

Владимир Бутенко

**ДЕРЖАВЫ
ВЕРНЫЕ
СЫНЫ**

Владимир Бутенко

Державы верные сыны

«Автор»

2013

УДК 82-3
ББК 84«2Рос=Рус»6

Бутенко В. П.

Державы верные сыны / В. П. Бутенко — «Автор», 2013

ISBN 978-5-9500987-0-3

Серия исторических романов, изданных ранее в московском издательстве «Вече» под названием «Агент из Версаля», «Честь дороже славы» и – одноименного – объединены в одну книгу. Трилогия посвящена эпохальным преобразованиям на Кавказе и в Крыму, произошедшим во второй половине восемнадцатого столетия, благодаря замыслам Екатерины Великой и воплощению их в реальные дела ее приверженцами. На страницах трилогии, написанной в динамичном современном стиле, читатели встречаются с самой императрицей, ее фаворитом Потемкиным, царскими сановниками, российским агентом Зодичем, вхожим в европейские дворцы, знакомятся с жизнью донских казаков в их столице – Черкасске. Автор объективно рассказывает о важнейшей битве на Калалы между войсками крымского хана Девлет-Гирея и донскими казаками под командованием легендарного атамана Платова. Расширение государственной территории, установление дружественных отношений с горцами и ногайскими ордами, основание Азово-Моздокской оборонительной линии и многое другое, о чем говорится в этой исторической эпопее, имели для России огромное значение и предопределили в будущем всю систему политических и экономических отношений в Европе.

УДК 82-3
ББК 84«2Рос=Рус»6

ISBN 978-5-9500987-0-3

© Бутенко В. П., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Книга первая	6
Часть первая	6
Часть вторая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Владимир Бутенко

Державы верные сыны

Трилогия

Книга первая

*Вы други мои, други, вы донские казаки!
Вы послушайте, мои други, что я буду говорить:
Хвалится, похвалится Закубанский Большой хан.
Он хвалится, похвалится на тихий Дон побывать
И батюшку, славный тихий Дон, насквозь пройти,
А матушку, широку Волгу, в обретки перебрести,
Як-то, славный город, он шапками замечать!
Неужто у нас не стало на тихом Дону казаков?
Неужто они не станут за отцов своих, матерей?
Неужто не станут за жен своих, за детей?*

Старинная казачья песня

Часть первая

1

Под утро сотника Ремезова объял пресладкий сон: будто бы сидит он в обнимку с Малашкой, старшинской дочкой, на берегу Дона, летнее солнышко клонится за старые дубы, ласточки по ясной воде крыльями чиркают, мелкие кружочки оставляют. А девица озорная, первая черкасская красавица, требует: сколько кружков – столько раз поцелуй меня! Он и рад-радешенек, старается так, что губы пухнут...

Громкий заполошный перестук копыт вырвал его из забытья! Он открыл глаза и, приподняв голову, насторожился. Слух уловил гортанную татарскую речь. Этих голосов он прежде в ауле не слышал. Доносилась медленная поступь лошадей. Вероятно, их водили, не давая остывать после длительной скачки.

Растущее беспокойство заставило отбросить тяжелое одеяло, сшитое из бараньих шкур, и подняться. Хромая на раненую ногу, Леонтий приблизился к двери отова, небольшого шатра с войлочными стенками, глянул в щель. Брезжила заря. Дул теплый ветер, отдающий горечью полыни кубанской степи и духом лошадей.

Все кибитки в ауле, – и малые, и большие, тэрмэ¹, – издревле ставились ногайцами-кочевниками дверьми на юг. И Ремезову не было видно, кто приехал в этот ранний час к аул-бею. Казака, Ивана Плёткина, оставленного полковым командиром для услужения офицеру, опять, должно, бес угнал на охоту. На стрепетинные точки. Уж больно хотелось свежей дичатинки – обрыдла изо дня в день соленая конина! Март до середины добрался, теплынью баловал – усидишь ли в беззаконной темнице, когда всё кругом к жизни тянется?

---

¹ Тэрмэ (ногай.) – войлочная юрта.

За несколько минут, что ожидая у двери простоял, разбередил рану на ноге. Но терпел, – недоброе предчувствие не отпускало. Откуда гонцы? Кабардинцы или ханские посланники?

Наконец, глава аула, Керим-Бек, как требовал обычай гостеприимства, встретил приехавших перед своим тэрмэ. После магометанского приветствия, один из незнакомцев заговорил по-ногайски: «Кош гелды!» – «Алла разы босун»². И по утихающей речи сотник понял, что аул-бей пригласил их в жилище.

Леонтий подошел к приземистой кровати, с наклонными спинками, называемой орындык, подумал, что за недели вынужденного пребывания у ногайцев выучил немало слов и общедневных фраз. Но тоска по родным казачьим душам не только не притерпелась, а наоборот, с вешними днями навалилась пуще. Ладно, хоть с Плёткиным переговариваться можно да песни затягивать. Хоть и горяч тот по натуре, своенравен и сам себе на уме, но командира в обиду не дает. Не только охраняет, но упрямо требует от жен аул-бея, чтобы давали «их благородию» еду получше да не жалели чая. А за действиями знахаря, старика Якуба, наблюдает с недоверчивым прищуром, хотя именно его снадобья способствовали скорому излечению сотника...

Стычка произошла молниеносно. Казачий разъезд Ремезова следовал вдоль берега Еи, когда из-за излучины, прикрытой зарослями камыша, внезапно вылетел отряд крымчаков. Сблизившись с казаками саженой на тридцать, они метнули стрелы, пальнули из ружей и круто повернули коней вспять. Стрела вонзилась в левую ногу Леонтия, но он держался в седле, пока ни отогнали башибузуков. Потом потерял сознание. Смутно помнилось, как везли его в армейской фуре, как оказался в ауле кочующей к российской границе едисанской орды.

Угроза нападения крымско-турецкого войска Девлет-Гирея побудила ногайские орды – буджаков, едисанцев, едичкульцев и джамбулуков – удалиться от Тамани. Они больше не хотели возвращаться в Крым и служить хану. Ставленник Османской империи, или Порты³, Девлет-Гирей пытался подчинить мечом ногайских воевод, подписавших мирный договор с Россией.

Незадолго до ранения Ремезов присутствовал в палатке командира полка Матвея Платова, когда докладывал лазутчик. По его словам, крымчаки дождались подмоги из Туретчины, укрепились черкесской конницей и сотней казаков-некрасовцев. Именно то, что донцы, переметнулись к неприятелю, более всего вызвало гнев Платова.

– Попадется, кто из некрасовцев, – перебил он лазутчика, – никого не миловать! Казак до смертной минуты должен быть заступником православия и родной земли.

– Любо, Матвей Иванович! – слаженно отзывались подчиненные. Они ведали, что их бесстрашный командир был в любимцах у командующего 2-й армией Долгорукова. Только опасность прорыва крымчаков на Дон заставила князя включить в сводный отряд подполковника Бухвостова, наряду с гусарами и драгунами, казачьи полки. Все командиры надежные, проверенные в сражениях на Перекопе и при взятии Кинбурна. Сам Платов не раз повторял офицерам своего полка наставление командующего:

– Не токмо я, командующий, но и государыня наша, зело верим и в надежде пребываем, что отпор дадите на посягательства врагов. Елико возможно бдите за перемещениями депутатов от крымских татар. Хан их коварство тешит: всколебать ногайские орды с тем, чтоб выступили вероломно супротив нас. А у ногайцев, други мои, восемьдесят тысяч казанов, то бишь человек мужеского пола, способных воевать. Сила велика, но нуждается она в обороне от татар. На вас возлагаю сей долг и надеюсь весьма, что не посрамите честь державы!

Тогда, в походе, и был ранен Ремезов. Полковой лекарь, узнав от приехавшего к Платову мурзы, что в ауле есть знахарь, поразмыслив, передал ему сотника, у которого начина-

² «Удачно прибыл!» – «Да благодарит тебя Бог». (ногайск.)

³ Оттоманская или Османская империя, Порты – в данном контексте – Турция.

лась горячка. Аул влекся к истокам Еи, вглубь степей, под прикрытием отряда Бухвостова, и командир полка поддержал это решение.

Но пути отряда и едисанцев разошлись.

Собравшись с силой, Ремезов отложил дверь, завешенную кошмой. Глаза, привыкшие к полумраку, на мгновение ослепли! Он зажмурился, как в детстве, подставляя лицо напористому ветру, теплым лучам, слыша поднебесные трели жаворонка и гомон детворы.

Когда же глянул вдоль кибиток то заметил, что аульцы заняты разбором жилищ, стоявших правильными рядами. И стар и млад поспешно сворачивали войлочные маты, разбирали деревянные решетки тэрмэ, грузили их на арбы и телеги. Уже в отдалении маячили табуны, буйволиное стада, косяк верблюдов. Пастухи бдительно охраняли их.

У тэрмэ мурзы стоял его охранник Муса и незнакомый гость в пестром бешмете, поверх которого была надета черкеска без газырей, с широкими рукавами. Чужак встрепенулся, увидев казачьего офицера, что-то спросил у охранника, тот коротко ответил и сделал успокаивающий жест. Жены Керим-Бека, Джамиля, Алтынай и Мерджан вместе с детьми бродили по луговине, и Ремезов догадался, что их на время разговора удалили из шатра. Старшая из двух дочерей, Еране, черноокая шалунья, которую уже засватали, щебетала, подражая птице, и радостно смеялась. И Леонтий тоже повеселел, слушая, как девочка перекликается с жаворонком.

Вдруг дверь жилища мурзы открылась и порывисто вышли два бородача, также одетые в бешметы, вооруженные саблями и кинжалами. Заметив русское лицо, они неприязненно нахмурились.

– Бу ким? – проговорил один из них, кладя ладонь на рукоятку кинжала, и тряхнул чалмой.

– Азиз достум! Ремезов эфенди⁴, – отозвался вышедший следом мурза Керим-Бек, толстенький, с редкой бородкой, немолодой уже человек, неопределенно улыбаясь. – Офицер-казак!

По всему, это были ордынцы. Их слуга подвел лошадей. С выражением крайнего разочарования на лицах гости вознеслись в седла.

– Огъурлы ёллар олсун! – подняв руку, произнес аул-бей.

Всадник в чалме, трогая свою гнедую, гневно бросил:

– Ким бильмейдр моллады, ол бильмейдр Аллахды!⁵ – и стегнул лошадь короткой плеткой. Его спутники также подхлестнули коней, разгоняя их в черноморскую сторону, где гнезилось воинство крымчаков.

«Всё-таки ханские посыльные! – убедился сотник, пристально глядя на мурзу. – Ради чего они приезжали? И чем закончился разговор?»

Керим-Бек, по-утиному ступая носками вовнутрь, подошел к казачьему офицеру, с прежней блуждающей улыбкой. Но заговорил голосом срывистым и суровым:

– Калга крымский приказ давал. Мурзу с муллой присылал. Обрато Крым ходить. Я «нет» сказал. Русской царице сераскир⁶ и мурзы наши клятву давали. Как воевать против России?

– Воевать с Россией вам не надобно, – подтвердил Леонтий, ощутив слабость в ногах и головокружение, – опьянил, пожалуй, этот степной вешний воздух.

– Будем дальше ходить! – заключил аул-бей и показал рукой на загруженные арбы, выстроенные обозом. – И тебе надо!

– Придет мой казак, и тронемся, – согласился Леонтий. – Я в седло сяду!

---

⁴ – Кто это? – Хороший друг! Господин Ремезов. (татар.)

⁵ – Счастливой дороги! – Кто не признает муллы, тот не при – знает бога! (ногайск.)

⁶ Сераскир – военачальник.

– Офицер-казак – азиз достум! – повторил глава аула и нетерпеливо подал знак Мусе, чтобы позвал жен, предупрежденных о переезде.

2

Подполковник Ряжский прибыл к Стремоухову, представителю императрицы Екатерины при ногайских ордах, и срочно пригласил на секретное совещание Бухвостова и командиров казачьих полков Ларионова, Платова и Уварова. Глинобитную мазанку, занимаемую при ставом Стремоуховым, жарко натопили сеном и кизьяками. И прибывшие офицеры, сбросив тулупы и бурки, остались в отдающих табаком и пороховой гарью мундирах. Трехсвечный канделябр освещал походный стол, на котором пестрела карта Черноморья и Кубани, и окруживших его военачальников.

– Господа, мне поручено довести до вашего сведения депешу от командующего 2-й армией генерал-аншефа Долгорукова, – с озабоченным видом объявил Ряжский. – Обращаю внимание ваше на ее конфиденциальность. Выяснилось, что бывший донской атаман Данила Ефремов, арестованный за лихоимство и захват войсковых земель, имел тайные сношения с кабардинскими владетелями, татарами и заявление делал среди приспешников, что умысел имеет «натрасти бед России, о которых она не скоро забудет».

Ряжский, рослый гвардеец с черными подкрученными усами, сделал внушительную паузу и поднял голос:

– Еще тревожней донесения с Урала и Волги. Злодей Емелька Пугач, выдающий себя за покойного императора Петра III, собрал войско, смутил яицких и волжских казаков, башкирцев и работный люд на приисках. И неисчислимыми злодеяниями в ужас привел население многих слобод, деревень и городков. Высланные наши полки теснят Пугача, но по причине их немногочисленности разбить шайку не удастся. Окаянство сие угрожает всей державе! Дополнительно известно, что Пугач пытается установить сношения с новоявленным крымским ханом Девлет-Гиреем. Порывался он, к тому же, переметнуться на Кавказ или в Крым!

Крайне взволнованный, побледневший, порученец вновь перевел дух. Бухвостов, куривший трубку, осторожно пустил к потолку колечко дыма. Красавец Ларионов поправил свои светлые отросшие волосы, упавшие на лоб. А смуглолицый Платов, прикрыв глаза, казалось, подремывал.

– Главные силы нашей армии по-прежнему в Польше, Бессарабии и в Малороссии. Дон ослабел из-за поголовного призыва казаков на службу. Кабардинцы ненадежны, готовы нарушить клятву, данную государыне. Порта этим воспользоваться намерена. И вопреки Карасунскому договору, освободившему Крымское ханство от османов и давшему независимость, новый турецкий султан виды имеет и на Крым, и на наши азовские крепости. Говорю сие, дабы помнили, господа офицеры, сколь велика ответственность наша. Благоусердие на службе и ревность, наипаче дисциплина, надобны как никогда, – Ряжский устало положил ладони на край стола. – На карте мной отмечены позиции неприятеля. Девлет-Гирей, имея преогромное войско, намерился вести баталии с отвергшими его едисанцами. Его цель: вернуть ногайцев под свою власть.

– Одно упорное посягательство на разбой, без всякой перспективы, – сорвался Стремоухов. – Я многожды беседовал с Шагин-Гиреем, ученым и мудрым человеком. Он уверяет, что ногайцам, больше нет резона принимать покровительство Порты.

– История Большой Ногайской орды весьма противоречива, – возразил Ряжский. – Один Господь знает, что у них на уме. Нам приказано оградить от крымчаков кочевья ногайцев. Однако у Девлет-Гирея значительный перевес в людской силе. Казаки, гусары и драгуны противостоят супостатам должны примерно. Не о животе своем и достатке думать, идучи в бой, но о чести России! Пропустить Девлет-Гирея на Дон, означает, – ударить ножом в сердце Оте-

чества! Ежель мнимый крымский хан Девлетка сомкнётся со злодеем Пугачом, свершится то, о чем замышлял Ефремов: «натрясти бед России».

– Нам не привыкать – биться, – встряхнувшись, твердо произнес Матвей Платов. – С янычар саблями мы в Крыму уже скрещивались.

– По всей диспозиции, следует ожидать от крымчаков скорого наступления, – предположил Бухвостов. – К баталиям готовы. Да было бы для единорогов наших пороху вдосталь! Потребно усилить ночные дозоры и кордоны, дабы неприятель не застиг врасплох.

– Из Черкасска и крепости ростовской отправлены обозы с порохом и прочим армейским довольствием, – сообщил Стремоухов. – Помня измены татар и мурз, намерен я отрядить к Черкасскому тракту прикрытие армейское. Такожды план имею понудить предводителя Джан-Мамбета-бея со всеми ногайскими кочевьями расторопно начать передвижение.

– Должен уведомить вас, господа, что закубанские ногайцы настроены к России враждебно, – решительно вступил в разговор Ларионов. – Вряд ли они вступят в бой с единоверцами-магометанями. Одначе донцы дисциплину соблюдают, их никак не трогают. Но буде заметят откровенное вероломство, – ручательства дать не берусь...

Совет затянулся до утра. Порученец генерал-аншефа торопился и отбыл первым. За ним последовал Бухвостов. Донцы задержались у Стремоухова. По-свойски выпили из старых запасов бессарабского и разыграли банк. Живее остальных выглядел Платов, он лукаво шурился на компаньонов, с размаха метал карты.

Следующей ночью полк Ларионова был атакован неприятелем. Казаки храбро приняли бой, отразили ружейными залпами черкесов и пустились за ними вдогон. Потери с обеих сторон оказались невелики.

Участившиеся нападения встревожили не только генерал-аншефа Долгорукова, но и полномочного в русско-крымских переговорах⁷ генерал-поручика Евдокима Алексеевича Щербинина. В начале года, когда крымчаки разбили конницу ногайского сераскира Казы-Гирея и находившийся с ним отряд пристава Павлова, пришлось с разрешения главного царедворца Панина взять из казны слободской губернии тридцать пять тысяч рублей. Шагин-Гирей, брат законного крымского хана Сагиб-Гирея, был направлен к пришедшим в смятение ногайским ордам, чтобы подкупом благо-расположить их к русскому престолу. Тогда, к счастью, удалось склонить на свою сторону колеблющихся беев и мурз...

Безусловно, Шагин-Гирей (он сложил с себя обязанности калги, намериваясь стать ханом) был ключевой фигурой в стратегических планах российских политиков. Недаром более года пребывал с крымской делегацией в Петербурге, где сумел снискать уважение. По велению государыни ему милостиво выделяли по сто рублей для проживания в богатых апартаментах. Но зарвался было, когда потребовал, чтобы не он первый ехал в царский дворец, а сам Панин пожаловал к нему и мурзам-делегатам от ханства. Когда упрямцу разъяснили, что существует дипломатический этикет, крымский гость заявил, что на аудиенции в Госсовете не снимет головной убор, как того требует магометанство. Условие было жестким, и императрица, избегая конфликта, нарочито подарила Шагину шапку, усыпанную драгоценными камнями. Вдобавок пожаловала татар особым церемониалом, который был установлен для послов Порты и Персии, и позволял везде появляться с покрытыми головами.

Баловала матушка-царица красивого, довольно образованного татарина, знавшего европейские языки. Тотчас по приезде в Петербург он был осчастливлен, помимо щедрых подарков, – серебряного сервиза, шубы, модного платья, – пятью тысячами рублями на расходы. Шагин растратил их моментально, и Панину пришлось в который раз ссужать калгу изрядненькой суммой – десятью тысячами рублей.

---

⁷ Негоциация (устар.) – переговоры.

Жил крымский посланец на широку ногу, бывая всюду, куда приглашали, – на светских балах, на куртагах, на военных парадах и приемах. Перстень и табакерку, пожалованную Екатериной по случаю приема в Царском Селе, Шагин-Гирей заложил купцу Лазареву. И Панин был вынужден вновь раскошелиться, за государственный счет выкупить подарки императрицы!

Откровенно вызывающее поведение Шагин-Гирея раздражало не только Панина, но и других членов Государственного совета. Крымчаку стали намекать, что пора и восвояси. Но тот не спешил, дожидаясь, когда послы ногайских орд получат Высочайшие грамоты. И еще почти год жил в Петербурге европейцем, не жалея российской казны.

Щедрость императрицы и расположение сановной знати в значительной мере изменили Шагин-Гирея. В свои двадцать пять лет он выделялся широтой знаний и твердым характером. В подлинниках читал греческих и римских философов. Покидая имперскую столицу, калга принял не только письма князю Долгорукову и генерал-поручику Щербинину, но и Высочайший рескрипт хану, брату своему Сагибу.

Однако в Бахчисарае за время его отсутствия многое изменилось. И по вступлении в должность паши, во время заседания Дивана, высшего совета ханства, его слова в пользу России, его укоры единоземцам за нарушение клятвы, данной Екатерине Великой, были встречены ультиматумом, что «действиями России, отнимающей земли и обращающейся с ними лживо, крымчаки обмануты и огорчены». – «Ничего подобного Россия не делает! – ожесточился Шагин. – Да если бы Россия захотела мстить за вероломство, то ничего ей не стоило бы обратить Крым в пустыню. И это может случиться, если вы будете продолжать вести себя вероломно. Выдайте мне возмутителей мира и спокойствия, если намерены ожидать дальнейшей милости от России».

И тот же самый состав Дивана, который два месяца назад одобрил Карасунский договор, безмолвствовал. «Полномочия, возложенные на меня при отъезде в Россию, обязывают вас повиноваться!» – потребовал Шагин-Гирей. Ему ответили без обиняков: «У нас есть хан, которому мы и повинемся».

Спустя несколько месяцев он отказался от полномочий второго человека в Крымском ханстве и перебрался в Перекоп, к главнокомандующему 2-й русской армией Долгорукову.

Шатание ногайцев, смущаемых крымчаками, побудило Щербинина направить в Петербург предложение назначить Шагин-Гирея кубанским сераскиром, поскольку среди ногайцев тот пользуется уважением. Но последовал Высочайший ответ: в сераскиры провести Казы-Гирея, и лишь в случае неудачи одного замысла – Шагина. Теперь бывший калга находился среди едисанцев и буджаков, убеждал их не поддаваться на провокации ставленников Порты. Но слова его обретали силу только вкупе со щедрыми, корыстными подарками «русской королевы Екатерины»...

3

Этой холодной ночью, на исходе февраля, императрица, крайне вздернутая и одинокая, ни на миг не сомкнула глаз. Она была заранее уверена, что Гришенька Потемкин поздним вечером, как обещал, пожалует к ней для уединенного разговора.

Не пришел. А ведь больше десяти лет, поди, был у нее на примете, – вначале придворным балагуром, затем камергером. Веселил, говорил на разные голоса, пародируя царедворцев, пока однажды не обрушился на нее с критикой за поддержку просвещенного абсолютизма. Лишенный благорасположения, он решительно ринулся в пекло русско-османской войны. Правда, в те дни сердце ее дрогнуло, и камергера Потемкина она произвела в генерал-майоры. А после радовалась искренне его армейским успехам. За неполные пять лет пребывания в действующей армии Потемкин дослужился до звания генерал-поручика, обретая неоспоримый авторитет.

И теперь, в начале 1774 года, когда Панин со товарищи затаили умысел лишить ее власти и передать бразды правления государством сыну, Павлу Петровичу, – Екатерине понадобилось, чтобы рядом с ней постоянно находился надежный защитник, – боевой офицер и бесстрашный, преданный мужчина.

Случайное признание цесаревича, а затем объяснение с Паниным, подтвердившим, что Каспар Салтерн склонял молодого Павла к введению в России сорегенства вызвали у Екатерины бешенство. Впрочем, Панин же и отговорил ее, объятую праведным гневом, не торопиться с отзывом Салтерна из Дании, где находился тот в посланниках. Успеется, со временем будет повод выгнать голштинца с государственной службы.

Реальная опасность отстранения от власти могла быть отодвинута только с помощью влиятельного при дворе человека. Тут Екатерина похвалила саму себя, поелику еще в декабре прошлого года в письме Григорию Александровичу Потемкину тонкими намеками звала его в Петербург. На августейшую депешу «генерал-поручик и кавалер» откликнулся только через полтора месяца, прибыв в столицу 3-го февраля. Но повел себя осторожно и даже несколько спесиво. Несмотря на откровенные знаки внимания, он всего лишь дважды приезжал к ней за первые десять дней.

Пришлось отправить ему исповедальное письмецо со словами: «Ну, Господин Богатырь, после сей исповеди могу ли я надеяться отпущения грехов своих... Бог видит... Если б я в участь получила смолоду мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась. Беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви... и если хочешь навек меня к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы, а наипаче люби и говори правду».

Гордец Потемкин четыре дня безмолвствовал. И вот только вчера, 25 февраля, около полудня появился в Зимнем дворце и дал уклончивый ответ, что постарается вечером быть у нее в апартаментах для полного объяснения. Но и тут обманул! Именно это сугубое непостоянство больней всего ранило сердце влюбленной женщины. Она металась по спальне, по своей просторной уборной, с огромным зеркалом, отражающим огни канделябров. Собственноручно подбрасывала дрова в горящий камин и мысленно вела с Потемкиным разговор, порицая его и призывая быть доверчивей...

Когда ровно в шесть утра ударил в колокол дворцовый звонарь, Екатерина встретила в большой уборной камер-юнгферу Марию Саввишну Перекусихину уже одетой, в окружении полудюжины любимых левреток, дрожавших от прохлады.

– Пресвятая Дева! Вы уже не спите, матушка государыня? – затянула угодница, озабоченно улыбаясь и принимаясь гладить ласковых и веселых собачек. – И шалуни тоже!

– Где же девушка-помощница? – с досадой проговорила Екатерина. – Зело тороплюсь, призовите ее.

– На одной ножке, – пыхнула услужливая придворная и, минуто спустя влетела с недавно определенной в покои статной девицей. Екатерина Алексеевна, по обыкновению, прополоскала травяным отваром во рту, затем кусочками льда натерла лицо и шею. Раскрасневшаяся, взбодренная, она вошла в свой рабочий кабинет, пропустив вперед смычку левреток и семейку Тома, итальянского грейхаунда, подаренного ей бароном Димсдейлом. Песик и его очаровательная женушка Мими, бойкая и кокетливая, вильнули к камердинеру, обновлявшему в канделябрах свечи, обнюхали его высокие сапоги и брезгливо фыркнули, уткнувшись мордочками в платье хозяйки. Немолодой слуга конфузливо замер от приключившейся незадачи.

– Прошу вас, оставьте меня, – бросила Екатерина и, поправляя платье, плавно села в свое богатое вольтеровское кресло. Вспомнился вдруг обаятельный Фридрих Гримм, также большой ценитель собак, с которым она уже несколько месяцев вела по вечерам беседы и – не могла наговориться. Впрочем, и с Дидро, знаменитым французским мыслителем, гостящим сейчас в Петербурге, встречи затягивались. Он добровольно взял на себя роль наставника, призывал ее к реформам, отмене крепостного права и другим смелым преобразованиям. Она

внимала учтиво и благосклонно, стараясь быть достойной ученицей. Но как-то не сдержалась и урезонила Дидро: «Вы имеете дело с гладкой и ровной бумагой, а я с человеческим материалом. Это гораздо трудней!» И все же это были собеседники, учившие ее житейской мудрости. Всё импонировало в просвещенных европейцах: и философский склад ума, и воспитанность, и чуткие сердца. Немало пользы могли бы они принести России! Но, сославшись на рекомендации медиков переменить климат и незнание русского языка, Гримм отказался от предложения служить при Дворе и засобирался в Италию. Там оказывать ему помощь она поручила «Альхену» Орлову, преданному и... непредсказуемому другу, главнокомандующему русскими силами в Архипелаге. Впрочем, Алексей Григорьевич, славный «Чесменский герой», уже второй месяц отдыхал в Москве. Она сочувствовала «Альхену», но окончательно вернуть на родину не решалась: война с Турцией продолжалась шестой год, и нечем было заменить опытного резидента...

На рабочем столе лежали рукописи государственных дел, стопка чистой бумаги. В стаканах письменного прибора, изготовленного из малахита и украшенного камнями, стояли заточенные перья и карандаши. Мысли вновь вернулись к Потемкину. Она взяла перо и, откинув крышку серебряной чернильницы, обмакнула в нее легкое стило. Свободной рукой поднесла к лицу табакерку, глубоко вдохнула крепкий, бодрящий запах и стала строчить: «Благодарствую за посещение, – с издевкой начала она и вздохнула. – Я не понимаю, что Вас удержало! Неуже (в спешке она не дописала «ли»), что мои слова подавали к тому повод? Я жаловалась, что спать хочу, единственно для того, чтоб ранее все утихло, и я б Вас и ранее увидеть могла. А Вы, тому испугавшись, и дабы меня не найти на постели, и не пришли. Но не изволь бояться. Мы сами догадливы. Лишь только что легла и люди вышли, то паки встала, оделась и пошла в вифлиофику⁸ к дверям, чтоб Вас дожидаться, где в сквозном ветре простояла два часа; и не прежде как уже до одиннадцатого часа в исходе я пошла с печали лечь в постель, где по милости Вашей пятую ночь проводила без сна. А нынешнюю ломаю голову, чтоб узнать, что Вам подало причину к отмене Вашего намерения, к которому Вы казались безо всякого отвращения приступали... Одним словом, многое множество имею тебе сказать, а наипаче похожего на то, что говорила между двенадцатого и второго часа вчера, но не знаю, во вчерашнем ли ты расположении и соответствуют ли часто твои слова так мало делу, как в сии последние сутки. Ибо всё ты твердил, что прийдешь, а не пришел. Не можешь сердиться, что пеняю. Прощай, Бог с тобою. Всякий час об тебе думаю. Ахти, какое долгое письмо намарала. Виновата, позабыла, что ты их не любишь. Впредь не стану».

Кабинет уже озарился мягким утренним светом, чего не замечала, пока кропала письмо. На соседнем столике появился кофейник из саксонского фарфора, корзинка с печеньем, в судке свежие сливки. Собачки выжидающе смотрели на лакомства, время от времени поскуливая. Екатерина сложила листы и запечатала конверт. Пригласив дежурного офицера, приказала немедленно передать его генералу-поручику Потемкину.

Возбуждение исподволь улеглось, и в углах губ появилась улыбка, когда она принялась с левретками завтракать. Милые нахалочки не довольствовались тем, что хозяйка кормила их печеньем, размоченным в сливках, а своевольно под хохот ее залезали на стол и, оттесняя одна другую, выхватывали зубками куски колотого сахара. Избаловались, зело приохотились к сластям всяческим...

В девять утра, вернувшись в спальню, она без задержки начала утренний прием. Стройный, подтянутый, в безупречно сидящем на нем сюртуке, как всегда, первым пожаловал Козицкий. Личный статс-секретарь отвесил низкий поклон, она протянула руку. Немолодой уже щеголь проворно поцеловал ее, чуть тряхнув париком.

---

⁸ Виблиофика (устар.) – библиотека.

– Садитесь, Григорий Васильевич, – обронила императрица и вскользь глянула на себя в настенное зеркало. Розовый гродетуровый капот с широкими складками, скрывающими полноту, в тон ему тюлевый чепец молодили лицо, принявшее после крепчайшего кофе свежесть, живо блестели глаза. «Недаром, гласит русская поговорка: сорок пять – баба ягодка опять, – усмехнулась Екатерина. – Как я хочу целоваться с Гришенькой...»

– Ваше Величество, реляции от генерала Бибикова и от Фонвизина.

– Скажи прежде, как твои доченьки-малютки?

– Пищат, Ваше Величество.

– Это к добру, что они погодки. Вместе расти будут. Хотя ты человек почтенный, а папаша – неопытный. Непременно навещу твою замечательную женушку Екатерину Ивановну... Итак, читай. Нам недосуг очки одевать. В долговременной службе государству притупили зрение и теперь должны поневоле их употреблять.

– Генерал сообщает, что следом за викторией майора Гагрина, отбившего у Пугачева Кунгур, февраля третьего сего года очищен Воткинский завод. Разбойники трусливо отступают, прячутся и разбегаются.

– А что доносит Фонвизин?

– «Все отраженные деташементы без изъятия теперь не уступают похвальному поступку майора Муфеля. Злодеи везде, где ни найдены, побиты, разогнаны и рассеяны... Войски Вашего Императорского Величества с разных сторон ко гнезду Пугача четырьмя дорогами подступают. Нет сомнения, чтоб при благодати Господней сего злодея с буйною его толпою они не поразили. Февраля пятого дня сего года».

– Весьма похвально. Фонвизин не токмо воин примерный, но и пером недурно владеет... Самозванца, гнусного убийцу, покарает бог, и мы исполним Высшую волю.

– Также получен рапорт от генерал-аншефа князя Долгорукова.

– Мы слушаем.

«Всемиловейшая Государыня! Служа Вам и Отечеству, спешу уведомить, что южные рубежи наши сызнова атакованы варварами османскими, кои злоумышляют ногайские орды возмутить против России, подбить их к вероломству. Чрез досужих людей известно нам, что нарицающийся ханом Девлет-Гирей в конце минувшего года приплыл в Суджук-Кале из Порты. И, отрекшись от мирного Карасунского договора, его братцем подписанного, учинил среди всех ногайских племен смуту, преклоняя их на свою сторону. Сей мнимый хан Девлет силой в двадцать пять тысяч конных и пеших воинов кружит по кубанским степям, тревожа наши кордоны. Дважды отражали его нападения отряд Бухвостова и полк Уварова. Верные нам верховоды ногайцев не поддались на уговоры ханских гонцов. Одначе, иные мурзы искусились на неприятельские посулы.

Похваляется Девлет-Гирей двинуться на Дон, разорить станицы и крепости. Мы пошлем при надобности еще полка два конных в распоряжение Бухвостова. И намерение дальнейшее имеем выгнать его с Кубани, освободить Копыл⁹, опрокинуть османа вспять от Суджук-Кале и Тамани.

*Остаюсь с отменным к Вашему Императорскому Величеству усердием и преклонением
Генерал-аншеф Долгоруков».*

---

⁹ Копыл – Славянск-на-Кубани.

– Стало быть, ни покойный османский султан Мустафа, ни теперешний Абдул-Гамид притязаний своих на Крым не оставили, – раздраженно проговорила Екатерина, глядя в окно, выходящее на Дворцовую площадь. Над ней пропархивали крупные снежинки.

– Пригласите главу Иностранной коллегии. Он, полагаю, давно в секретарской.

Никита Иванович Панин, толстенький и узкоплечий, в красном камзоле, расшитом золотом, в зачесанном назад парике, с улыбкой на пухлых губках вошел в спальню и приложился к руке императрицы. Но его услужливо-подобострасный вид нисколько не повлиял на устоявшееся к нему отношение императрицы. «Хоть и воспитатель сына ты, Панин, но лицемер и двурушник. Не ценишь моего расположения. Интриги плетешь за моей спиной!» – промелькнуло в голове, но она и в этот раз сдержалась и указала на кресло напротив себя.

– Долгоруков озадачил нас посланием. Некто назначенный Портой, новый хан, дерзостно ведет себя на Кубани. Учиняет нападения на мои войска. Что сказать изволите?

– Ваше Величество! Доставлена депеша от посланника нашего в Крыму Петра Петровича Веселицкого. Сообщает он, что смута там с каждым днем назревает. Шагин-Гирея, на коего по Вашей милости столь много денег издержано, отвергнут Диваном. Хан Сагиб-Гирей не обладает полной властью, в замыслах коварен, а вмешиваться войскам нашим Вы запретили весьма.

– Ногайские мурзы всего год назад давали обет, клятвенно уверяли, что дорожат дружбой с Россией. Почему же до сих пор не утихомирят их сераскир Казы-Гирей?

– По той причине, что перекинулась смута на ордынских ногаев, а раздоры между ними велики. Мы всячески стараемся их примирить. Посему разрешил я Щербинину использовать изрядную сумму.

– Подарков не жалейте. Ордынцы зело на них падки и сребролюбивы. Мы должны удерживать ногайские племена в дружбе. Укажите в рескрипте командующему Кавказским корпусом Мемеду, чтобы в переговорах с кабардинцами был осмотрителен и вежлив.

– Смею доложить, пристав Таганов свидетельствует, что и в Кабарде беспокойно. Многие владетели готовы переметнуться к единоверцам, принять власть Порты.

– Не есть ли это козни французов и Марии-Терезии?

Панин, подумав, сдержанно улыбнулся.

– После того, как австрийцы получили Галицию, их политика по отношению к государству Российскому, вестимо, дружественна. Впрочем, нами посланы в Париж и Вену конфиденты.¹⁰

– Здравие графа Алексея Григорьевича Орлова, мне сообщили, изрядно поправилось. Не пора ли ему обратно в Ливорно?

– Смею полагать, что давно пора. Его пребывание дома затянулось. Граф с декабря отсутствует в Архипелаге. А все мы ожидаем скорейшего прибытия в Архипелаг¹¹ флотилии Грейга. Вы милостиво удовлетворили просьбу Орлова прислать эскадру взамен непригодных судов. Его план разрушить Салоники и Смирну, дабы затруднить поставку товаров Порте, весьма важен для нашей победы. Хотя Алексей Григорьевич, как мне известно, подвержен частым болезненным припадкам. И, быть может, его просьба об отставке вполне обоснована...

Императрица высоко вскинула голову, заподозрив царедворца в недобрых намерениях, и перебила с заметным акцентом:

– Орлофф незаменим! Чесменским сражением он прославил навек свое имя! Он нужен мне в Италии... И вы намекните ему, что я хочу видеть графа в служении России в этот преответственный для державы период... Вы сфободны, Никита Ифанович! Днем погофорим более основательно...

---

¹⁰ Конфиденты – тайные агенты.

¹¹ Архипелаг – Средиземное море и прилегающие земли, принадлежавшие Порте.

Половодье в этом году разгулялось с невиданной силой. Откуда-то с верховьев пришла мощная взломная вода, разбудила округу гулом, расколола на стремени и вдоль берегов зимнюю броню, – и грянул на Дону ледоход, унося остробокие крыги на юг, к морю Азовскому.

Изрядно подтопило Черкасский городок, казачью столицу! Залило водой три раската, как именовали казаки бастионы, – Андреевский, Алексеевский и Донской. Улицы, ближние к Танькиному ерику, превратились в узкие каналы. Под воду ушли опорные сваи и подклестья куреней. А крайний из них – урядника Ильи Ремезова – с белыми ставнями и стенами, выкрашенными охрой, под камышовой крышей, казался дивным судном посреди водной глади. Устройством хата сия была точно такой же, как у всех местных жителей. Нижний этаж – омшаник, предназначенный для хозяйственных нужд, второй уровень – жилой. А между ними, как поясом, окружен курень деревянной галереей, а точнее, по-казачьи – галдареей. Она – на подпорках, кое-где с перильцами. Можно просто посидеть, поболтать с соседом, а можно с двух сторон и чарками стукнуться! Таково заведение в Черкаске, – ставить жилища строем, плечом к плечу...

Урядник спозаранку сидел с боевой пикой в руках на углу своей галдареи и неотрывно смотрел на плетень, стояками и верхом выступающий из желто-мутноватой воды. Хотя и не молод был Илья Денисович, а глазами зорек, как чайка-хохотунья, замечающая добычу в речной глубине. Дважды шибалась об ивовую изгородь здоровенная рыбина, дважды бросала фонтан брызг аж до окон второго этажа! Нутром чуял повывавший виды казак, что тут она, во дворе, – кружит, выход ищет на волю. И ежели высмотреть ее да метко пронзить острой пикой, то знатная ушица выйдет. На всю улицу!

С тыльной стороны соседом Ремезовых был войсковой старшина Данила Гревцов. Курень его также наполовину был затоплен паводком, но и галдарея, и балкончик вдоль стен, балясник, свободно нависали над водой. У крылечка был привязан просмоленный челн. Ремезов имел плоскодонку. И теперь, поглядывая на бескрайнюю речную гладь, на свою плавучую станицу, размышлял Илья Денисович: а не махнуть ли на займище, в сторону Аксая? Должно, там и щуки, и стерляди изобильно, – бревнами снуют по мелководью. Можно бить пикой и трезубой острой.

Путовень серых туч трепал южак¹², пока не пробились столпами солнечные лучи. Яркий свет побежал по обдонскому холму, по могучим гололобым дубам и ожившим, выбросившим лимонные веточки тальникам. А приречные вербы красовались уже своими серебряными сережками, сулящими долгое тепло. Во множестве пролетали над Доном стаи казарок, уток и лебедей, правя к дальним плесам. Манилось вольному люду отведать убоинки, да не позволял пост. До Пасхи, почитай, три недели. Поздней она была в этот раз, двадцатого апреля. Хотя отнюдь не все из черкасцев гребовали скоромным. Чем бог посылал, тем и обходились. Смалочку приучена черкасна к стерляжьей ушице, сомятине, к икорке пробойной да щучьему холодцу. Вот и сидел пожилой донец, посасывая трубку, на галдарее собственного куреня и сторожил рыбу-дурищу, заплывшую в его двор.

Между тем солнце встало в полный дуб, до зенита добралось, – и даже у воды стало теплей, а борода прямо-таки накалилась на ярых мартовских лучах.

Глядит Илья Денисович: плывет по улице двухвесельный каюк, а в нем гребец, еще один казак и... батюшки-светы! – самолично войсковой атаман Семен Никитич Сулин, в расшитом кафтане и собольей шапке, перепоясанный широким ремнем, с кинжалом и турецкой сабелькой в ножнах. Подивился урядник такому гостю на их улице, тотчас встал и поклонился.

¹² Южак (донск.) – ветер с юга.

Атаманская лодка, развернувшись левым боком, причалила прямо к галдарее гревцовского куреня. Сам хозяин, Данила Петрович, всполошенно отворил дверь и, выйдя к старому приятелю, протянул ему руку, помогая перебраться на доски балясника. Перешучиваясь, они удалились в курень. А двое гребцов, с обветренными сизыми лицами, сторбившись, остались в каюке.

– Эй, борода! – зычно крикнул один из них, черномазый малый с озорными глазами. – Горилочки нема горло промочить? Закацубли¹³ начисто! С утра веслами машем...

– Окстись! – укоризненно отозвался Ремезов. – Ни вина, ни скоромного никак не можно. Вторая половина поста.

– Аль ты старовер?

Илья Денисович не ответил, узрев вблизи кормы своей плоскодонки плавник, точно красным лаком крытый. И, не раздумывая, саданул пикой вниз, под лодчонку. Дьявольская сила потащила его вглубь пучины, вырывая из рук древко. И разжать бы ему пальцы, пожертвовать оружием, чтоб удержаться на галдарее, но рыбацкий азарт затмил рассудок и – бултых в мутную стылую бездну! Но и тут он не растерялся, уцепился одной рукой за борт лодчонки, а в другой – намертво зажал пику с нанизанной рыбиной-великаншей. Её головень и хвост-веер то и дело выметывались над забуруневшей водою, на которой рдели пятна крови. Казаки атаманского каюка тарасили глаза, гадая, с чего бы это солидный станичник удумал купаться в половодье?

– Агу, дядька! – недоуменно позвал тот же юркий казачок, перелезая с носа на корму лодки. – Ты пошто там? Аль свалился? Аль грехи смываешь?

Барахтаясь в воде, обезумев от ее игольчатого холода, Илья Денисович гаркнул что есть мочи:

– Белугу пикой пронзил... Братцы, выручайте!

Несколько весельных гребцов – и каюк уткнулся в ремезовский курень. Черномазый, свесившись с края лодки, запустил заголенную ручищу в воду. И, перехватив древко, рванул кверху, давая возможность горе-рыбарю перевалиться в плоскодонку. Дрожа, в промокшем зипунишке, урядник намертво схватился за край древка. Тяга, однако, усилилась. Илья Денисович носком сапога сбросил с крюка цепь плоскодонки. Две руки с одной, две – с другой едва удерживали добычу. Рыбина рванулась и поволокла обе лодки на стрежень, на течение. Весла атаманских гребцов, частя впротоход, всячески препятствовали ей разогнаться.

Между тем бурлящая стремнина Дона, уносящая не то, что утлые посудины, а вековые дубы, неотвратимо близилась. Илья Денисович и казак, почуяв опасность и ожесточась, дружно толкнули древко, стараясь пронзить неугомонную бестию. Рыбина плеснула хвостом, поднимаясь из глубины, – из-под острия пики потянулась по волнам розовая прошва. Разбитной помощник ахнул, напористо потребовал:

– Белугу вдвоих добыли, поровну и разделим. Кубыть, не скоро нам донской рыбки снова отведать придется. В полки поголовно гуртуют на войну с туркой...

– Ты, балакарь, прежде плоскодонку возьми на кукан! Мне грести нечем. Опосля дуванить будем, – огрызнулся урядник, стуча зубами от озноба и вымеривая глазами расстояние до своего куреня. Утащила их чертяка никак не меньше, чем на треть версты.

Тем часом Сулин вышел с Данилой Петровичем из куреня на балясник подымить трубами да посекретничать.

– С рекой тебя, сосед! – громогласно поздравил Гревцов, наблюдая, как урядник, причалив к собственному куреню, вытаскивает белужью тушу. – Не забудь на разговенье пригласить!

– Завсегда рады! Вечерком милости просим.

Войсковой старшина, очевидно, отвечая на вопрос Сулина, понизив голос, пояснил:

---

¹³ Закацубнуть (донск.) – замерзнуть.

– Сын его, Леонтий, орел-казак! Молод, а до сотника дослужился. Ревностно турок бьет!

В закатный час, как условились, Гревцов пожаловал к уряднику, пройдя по деревянному мостку, проложенному вдоль улицы. Не один явился, а с сыном Никитой. И здоровьем бог парня наградил, и с лица виден, да умишка мелкого. Драться с малороссами, горилку пить он большой охотник, а девок чурается, робеет пред ними. Заприметил на святках войсковой старшина, что заглядывается сын на Марфушу Ремезову. Девка на выданье, семнадцать уж минуло, – и красива, и душой светла, и неунывака! Потому и прихватил Никиту, чтоб пригляделись да, прости господи, обнюхались. Илья Денисович героем прослыл еще при штурме шведской крепости Апыля тридцать лет назад, да не разбогател, – к голытьбе ближе, чем к старшине¹⁴ донской. И, как считал Гревцов, должен за честь принять его дружество и намерение поженить детей.

В самом деле, хозяин рад был уважить знатного соседа! Стол накрыли по этой причине не в стряпчей комнате, а в горнице. На скатерти с алой каймой красовались широкогорлые кувшины с вином и горилкой, в деревянных тарелках золотилась вареная белужина, в кубышках – квас, на медной сковороде чернел курганчик жареной икры. А посередине стола, по традиции, стояла серебряная солоница, привезенная некогда из персидского похода дедом урядника.

И гости, и хозяева сели за стол принаряженными. Устинья Филимоновна, урядничья женка, обновила зеленую поневу, надетую поверх рубахи с расшитым воротом, а голову прибрала повойником, шапочкой из лебяжьего пуха и пестрым ширазским платком. Марфуша была в светленьком сарафане с узором по всему подолу, а русую косу убрала лентами и косниками из серебряных цепочек. Не девка – загляденье! В одном переусердствовала: туго завязала челоуч, налобную повязку, и брови сами собой приподнялись, отчего смотреть вниз было затруднительно. Однако Никита, примостившийся напротив, этого не примечал, поскольку взор свой вперил в тарелку с ухой и, наклонившись, хлебал деревянной ложкой. Войсковой старшина, видимо, с трудом влез в потертый синий кафтан, приколот на грудь медаль, а на правое запястье нацепил золотой браслет, как принято у войсковой верхушки. И, неспешно подняв медную чарку, усмехнулся в поседевшую бороду:

– За славный нонешний денек! Тебе, Илья Денисович, удача, а мне – почесть. Сам войсковой атаман на провод приплывал. Совет держал... Да еще за весну раннюю! Как гутарят, купил март у матери-зимы шубу, да через три дня продал... За нас, донских казаков!

– Спаси, Христос! За ратников родных да гостей дорогих! – поддержал хозяин, искоса следя за Данилой Петровичем и ожидая, когда тот первый хватит горилки.

Ни женщинам, ни парубку наливать в будние дни не принято. Бывалым казакам – позволительно, ежель до клира «слых» не дойдет. А дойти он никак не может, ибо за столом одна родня. Пока разная, а там, глядишь, – и «обчая».

Но не гладко идут смотрины! Излишне суетится хозяйка, безмолвно и печально клонит голову Марфуша. Обeim, как не скрывай, жених не по нраву. Илья Денисович, хоть и живо беседует с гостем, и поддакивает его хвалебным словам в адрес своей супружницы, состряпавшей «добрячую блюду», но нутром сразу учуял, что не мил дочке женишок.

– Через неделю Алешка теплый, а погода, аки в Божий пасхальный праздничек, – нараспев тянула Устинья Филимоновна, подавая на стол блины с белужьей икрой. – И когда ж замирение с турками выйдет, Данила Петрович? Не сказывал атаман?

– Об том деле никто знать не может. Одна государыня да царедворцы резоны понимают. А доля казакская – врага искоренять. По секрету открою: турки на Кубань выступили, чтоб на Черкасск нашествовать. А по Яицкому и Волжскому казачеству бунт занялся. Нашенский казак Емелька Пугач объявился самозванным царем Петром. Города палит, смертоубийства творит неподобные. Дворян, каких пленяет, с детьми и барынями казнит, а именья разоряет!

---

¹⁴ Старшина (каз.) – офицерский чин у казаков.

– И откедова супостат взялся? – всплеснула руками хозяйка, хмуря свое моложавое круглое лицо. – Ажник страхом прошибает! Не анчихрист ли?

– Не-ет! Я этого Емельяна по Семилетней войне знавал, – с ухмылкой возразил Гревцов. – Ухарь был и мошенник, каких свет не видывал. Ежели что плохо лежит, – бесперечь утащит. Из станицы Зимовейской он. Там и женка его, и хата... Чистый голодранец, а полез в цари! Атаман баил, генерал Бибииков скорочко разобьет злодея. Но и нам не сидеть сложа руки. Кружит Емелька по Волге, того и гляди, на Дон кинется!

– С двух сторон, стало быть, беда подкрадается? – догадался Илья Денисович. – Это мудреней, чем атамана нашего пленить да царевым слугам на суд передать.

– Степан Ефремов под себя дюже подгрел. Вот и пострадал! Вона, какой домище каменный возвел, – с железными дверьми и окнами-бойницами. А с каких благ? С войсковых! Казну на семью свою извел. Нонешний атаман – заступник Дону.

– Хоть бы сыночка нашего, Леонтия, домой возвернул, – откликнулась Устинья Филимоновна, подходя к окну, озаренному заходящим солнцем. – Вот славно! Никак вода на событие пошла. Плетень открылся и лестница...

Заскучавшая Марфуша с поклоном встала, подпорхнула к матери. И удивленно расширила глаза, – правда, скатывалась полая водица, уходила к низовьям.

– Я не зря Никитушку привел, – поставив опустошенную чарку на стол, приосанился войсковой старшина. – У меня сын, у тебя – дочка. Пара подходящая... Никит, нравится тебе Марфа? Не стесняйся, гутарь. Всем ответствуй!

Парень, низколобый, как полымем охваченный курчавенью русых волос, осклабился.

– Дюже нравится.

Данила Петрович в упор уставился на отца невесты.

Оба были изрядно пьяны. Урядник, наконец, смекнул, что избежать прямого ответа никак не удастся. Зыркнув на дочь, пробасил:

– А ты, Марфуша?

Лицо девушки зарделось. Она потупила взор и промолвила:

– Мне и дома хорошо, батюшка!

Как ни был хмелен Илья Денисович, а углядел в глазах дочери слезинки. Самолюбие выиграло: родного дитя в неволю? Вновь повернувшись к гостю, он заключил:

– Ты, сосед, знаешь. Тебя я дюже уважаю. И в чине тебе я не ровня! Но про свадьбу решать станем по осени. И пост зараз, и пахота опосля подойдет, и сенокос...

– До Покрова цыган сто кобыл засекает! В мясоед этот давай свадьбу справим. Как порешим, так и будет! Я сам на всё потрачусь! Сын у меня один... Надо всё в пору: пересидишь, сам под шермицию¹⁵ угодишь.

Но урядник, невзирая на то, что Гревцов – величина войсковая, еще непримиримей рявкнул:

– Не неволь, Данила Петрович!

С великой обидой ушел седочубый сосед, с понурым видом – сын. Илья Денисович проводил их до мостков, проследил: благополучно ли доберутся до своего куреня. И, снова усевшись на галдарее, развязал кiset и вложил в ноздри по щепотке крепкого турецкого табака, присланного с оказией сыном еще в рождественский пост.

Тихо было вокруг, лишь на дальних раскатах-бастионах лаяли собаки, раздавались голоса, долетали обрывки песен. Синели неоглядные сумерки. Великая вода убегала по донскому руслу неведомо куда, смыкаясь с небом. И в этой удивительной слитности терялось ощущение обыденности, казалось, что ноги лишились опоры, и невесомо парит он в похолодевшем вечернем воздухе. От этого стало весело и легкодумно. И забылось про всё на свете, – глядел

---

¹⁵ Шермиция (устар.) – маневры войск.

урядник, как зажигаются над Черкасским городком звезды и отражаются в донской воде, в иссиня-темном зеркале. Считал их, пока не сбился, – и завел вполголоса песню про любушку-голубушку да про горькую чужбину и одинокого казака, – своего сына, Леонтия Ремезова...

5

Девлет-Гирей, окончив совет, пожелал, чтобы в юрте остались Шабаз-Гирей и нурадин Муробек-Гирей. Все они связаны с ханом кровными узами.

– Если сведения, полученные от наших людей, верны, мы должны завтра выступить. Русских мало. Нас много! Едисанцы – да будь славен аллах! – образумятся. Воины султана Абдул-Гамида ропщут. Они прибыли со мной, чтобы воевать против гяуров, а не отсиживаться за Кубанью.

– У русских грозная кавалерия. Напасть следует внезапно, – заметил младший брат Шабаз, калга, воинственный молодой человек.

– О, ты прав, Шабаз-Гирей! – подхватил нурадин, улыбаясь и щуря щелочки глаз. – У нас есть проводники из кубанских ногаев. Они хорошо знают степь до калмыцких хотонов.

Девлет-Гирей, покусывая кончик рыжего уса, устало опустил на локоть. Больше двух часов он, как и все остальные, просидел в шатре на исфаганском ковре, и оттого покалывали отекавшие ноги. В ушах его еще звучали гортанные голоса мурз и военачальников, призывавших идти на урусов, отбивать ногайские аулы, опустошать донские станицы. Но, прежде всего, нужно повиновение ногайских орд и возврат их в Крым. Или, по крайней мере, перемещение к границам Крымского ханства. Он отчаянно не любил Россию и русских, готов был погибнуть в сражении с ними, и цель, ради которой всемиловиднейший султан Порты возвеличил и послал его сюда, была четкой. Все усилия направлены на возвращение ногайцев под крыло Османской империи.

– Не для того я оставил вас, братья, чтобы говорить о решенном. Ко мне приехал посланец кабардинского владетеля Атажукина. Ему стало ведомо, что я отверг Карасунский договор, подписанный Сагиб-Гиреем. Кабарда принадлежит нашему ханству. Как единоверческая земля! Так же думают Атажукин и Мисост Баматов, влиятельные люди Большой Кабарды.

– Но кабардинцы дали клятвенный обет императрице России? – озабоченно напомнил нурадин. – Чего они хотят?

– Об этом мы сейчас узнаем, – заключил хан и приказал телохранителю, никогда не удаляющемуся от него далее двух саженей, пригласить ожидающего кабардинца.

В юрте было сумеречно и прохладно по-вечернему, и калга собственноручно поджег масляный светильник в керамическом сосуде. Желтый дрожащий отсвет лег на лица присутствующих. Близился час намаза, и необходимо было переговоры провести быстрее.

Посланец Атажукина по-мусульмански приветствовал хана и его сподвижников. Затем сел напротив на расшитую золотом подушку, удерживая на красивом смуглом лице благожелательную улыбку.

– Мой хозяин передал послание, – запуская руку во внутренний карман чекменя, сказал белозубый парень. – Вот оно!

Девлет-Гирей, слегка усмехнулся уголками рта, беря бумагу в руки.

Но читать не стал, ибо всё делал без спешки. Свой ответ он даст тогда, когда посчитает это нужным. Глаза посланца могут сказать не меньше...

– Мой хозяин и Баматов сами приедут к вам для переговоров. А мне поручено решать срочные вопросы, – уже иным, уверенным голосом заявил кабардинец. – А на словах велено передать, что мы признаем Ваше Величество правителем Кабарды. А свою родину считаем частью Крымского ханства. И как подданные надеемся на тесное сотрудничество и помощь в борьбе с неверными.

– Я благодарен за теплые слова Касаю Атажукину и Мисосту Баматовау, весьма уважаемым в Кабарде владетелям. Но от речей, как говорят на Востоке, солнце не становится жарче. Я знаю, что кабардинская конница наводит ужас на любого врага. И буду признателен, если уважаемые союзники выступят вместе со мной против русских. Готов ли ваш господин обсуждать это?

– Готов, – не задумываясь, ответил кабардинец, блеснув белками крупных карих глаз. – Но прежде мы намерены убрать с нашей земли русскую крепость Моздок. Подлые рабы бегут туда от своих господ, данных Аллахом, и в этой крепости их принимают. Русские нарушают горские обычаи и порядки. Мои повелители считают, что их задача отвлекать войска русских, чтобы вам было свободней действовать.

Парень поднял руки ладонями кверху, провозгласил благодарение Аллаху и провел ими по лицу. Хан поймал взгляд брата Шабазы, недоверчивый и суровый. «Не с помощью прибыл, а за поддержкой», – догадался и сам Девлет-Гирей. Но то, что кабардинцы и другие горцы враждебны России, обоим обрадовало. Эта весть разнесется и среди ногайцев!

– Передайте, что мои братья Касай и Мосост могут рассчитывать на дружескую руку. Но сначала мы вернем к себе ордынских ногайцев. И, будь славен Аллах, вскоре совершим это.

– Будет ли владетелям ответ на бумаге? – в заключение спросил посланец.

Девлет-Гирей поправил рукав своего зеленого бешмета, надетого поверх суконной рубахи. Подумав, сдержанно кивнул.

– Я напишу. А вы довольны ли приемом?

– Да, великий хан! Я здесь, в Копыле, точно в родном ауле. Мой повелитель передал подарки! Шашки, позолоченный кумган и девушек.

– Весьма польщен. Завтра вместе с ответом я также передам подарки, – пообещал хан и преклонил голову, прощаясь с кабардинцем.

После намаза Девлет-Гирей приказал нукеру привести к нему в шатер подаренных невольниц. Все трое, одетые в теплые бараньи зипунки, были молоды и стройны. Оставшись наедине с девушками, хан подошел к ним и стал по очереди поднимать чадру, спрашивая имена. Первая, Гульнара, оказалась из Силистрии, – большеглазая и пугливая, как серна. Вторая была валашкой, звалась Терезией. Сразу запомнились ее чудесная смуглая кожа и пухлые розовые губы. Но всех больше понравилась Зара, – отменно красивым лицом, станом и черными вьющимися волосами...

Отпустив эту наложницу, хан помолился и постарался уснуть. Но перед глазами негданно стали возникать картины Бахчисарая, ханский дворец, его комнаты, гарем. Вспомнилось ущелье Марьям-Дере, на лесных склонах которого он часто бродил и охотился в юности, на вершине столовой горы – Чуфут-Кале, иудейская крепость. Там жили караимы, близкие по языку, но чуждые по вере. Роду Гиреев не пристало даже бывать в караимском городище. А он, Девлет, тайно влюбился в четырнадцать лет в юную и прекрасную Зарему, дочь чуфуткалинского купца...

Нукер, сидевший на волчьей шкуре перед шатром, вскочил, едва его господин вышел, откинув войлочный полог. Мурат, так звали телохранителя, встал точно на смотру, положил правую ладонь на рукоятку персидского кинжала, добытого в бою. Трое других охранников, также не смыкавших глаз у жилища хана, быстро приблизились. Но вокруг было безлюдно, лишь на войсковом становище, где скопилось не менее двадцати тысяч его воинов, раздавались голоса да ржание лошадей. А над Копылом плыли дымы из отверстий шатров, из печных труб приземистых хат, стелилась изгарь от многочисленных костров, у которых грелись разноплеменные отряды всадников и лучников, янычар, верной ему ногайской конницы и казаков-некрасовцев. Девлет-Гирей, оглядывая костры на всхолмье, с радостным изумлением обнаружил, сколь велика его армия!

Ущербная луна цеплялась за край лиловой тучки, озаряя зенит. Молодые глаза хана высмотрели треугольник журавлиного клина, спешащего на север. Завтра и ему в путь!

Вернувшись в шатер, Девлет-Гирей взял в руки сааз. Игре на этом струнном инструменте его научила Зарема. Пальцы своевольно вспоминали любимые ею мелодии, и от этого душа стала мятежной.

Он играл, как будто разговаривал со своей возлюбленной.

Разговаривал, хотя знал, что ее нет в живых. А, может сааз и есть ее нежный голос?

Но вдруг точно кто-то толкнул его! Девлет-Гирей отбросил инструмент на ковер. Сразу всё затмила неотступно терзающая мысль: он покорит ногайцев, разобьёт царицынское войско и разорит станицы. Был у него гонец от Емельяна Пугачева, уруса-разбойника, поднявшего мятеж против Екатерины. И он, крымский хан, втайне дал знать новоявленному русскому союзнику, что согласен на договор с ним. Двигаясь навстречу друг другу, они завоюют Россию! И он, Девлет-Гирей станет тогда не только крымским ханом, а султаном государства Российского! А затем... и Константинополь падет к его ногам!

В крайнем возбуждении Девлет-Гирей ходил по шатру. Фитиль светильника, закоптившись, тускло озарял жилище. Неведомый человек промелькнул слева, и хан молниеносно выхватил ятаган, с поворотом рубанул по злему призраку – с громким звоном раскололось на мелкие осколки походное зеркало в медной оправе...

Миготом отрезвев, хан опустил руку с турецкой саблей. Недобрый это знак, шайтан попутал. И, упав на колени, он стал истово молиться, взывать о помощи к Всевышнему...

6

Трубач Егор Полтораки поднял казаков по приказу Платова, на зорьке. Всю ночь донцы жгли по очереди костры, рубая тальники и терновники, собирая по балкам принесенный ветром курай¹⁶. И под утро, после печальных песен, уснули на ядреном степном воздухе мертвецы. Но уже с первыми звуками – короткими, сигнальными, – вскочили на ноги, ища своих урядников и хорунжих. Не нападение ли татар часом?

– Выступаем в поход! Стройся, братцы, посотенно! – командовали есаулы, гарцуя перед казаками. А те, разобрав лошадей из косяков, уже проворно седлали их, да еще успевали пошучивать, рассказывать сны про баб и дивные приключения, связанные с ханским гаремом.

Хорунжие подравнивали ряды, хотя и без них любой казак знал свое место: кто слева и справа, кто в передних рядах, а кто в прикрытии. На учениях, в походах и в сражениях так приноровились, что могли строиться с закрытыми глазами.

Платов, в теплом суконном мундире, в высокой шапке, из-под которой выбивались черные пряди, розовощекий и бодрый, точно сросшийся со своей резвой кавказской лошадкой, пронесся вперед в окружении ординарцев. Свита полковника остановилась на пригорке, ожидая, когда в походном порядке тронется весь полк.

Первыми во все стороны разметнулись дозорные. В авангарде походной колонны двинулись четыре неполных конных сотни, за ними пушкары на подводах, далее следовал обоз с амундией, порохом, ядрами и провиантом. И замыкала походный строй еще одна сотня, собранная из служилых казаков, самых опытных и отчаянных. Хотя и направлялись они в мирную восточную сторону, но от коварных крымчаков всего можно ожидать. В чистом поле Божья воля!

Казаки, проезжая мимо полкового командира, громко и слаженно приветствовали его, совсем молоденького, черноусого. Но Платов молчал, пристально оглядывая ряды. Далеко не все подчиненные были одеты в мундиры синего сукна, выданного на пошивку приказом вой-

---

¹⁶ Курай (южн.) – перекасти-поле.

скового атамана. Кто не успел пошить, кто причужил¹⁷ сукнецо, а иные понадеялись на бабенку своих, да вместо мундиров сварганили те кривобокие одежины, на которые без хохота невозможно смотреть. Большинство же казаков носило овчинные зипунцы, надетые поверх чекменей, а покрывались папахами. Конечно, по сравнению с регулярными гусарскими или драгунскими частями выглядели донцы неказисто. Но требовал казачий полковник, чтобы во всем был порядок. И старался, как мог, опекать своих земляков. Упросил даже генерал-аншефа Долгорукова дополнительно выделить для полка три десятка ружей и пистолетов. Огневое оружием надежней громить татарских батырей!

Полк двигался вдоль левого берега Еи, в одном направлении с ногайскими кочевыми обозами. Мартовский день хмурили тучи. Изредка меж ними проскальзывали лучи, в перехлест, ножницами утыкались в дальние пригорки. И тогда ошутимей становилось внешнее теплошко, мягче – налитый влагой ветер. Свет и тени облаков прокатывались по косогорам, по диким облескам и буеракам. А целина зеленела уже сочной щетинкой молодой травы. На скалах, любопытствуя, столбиками стояли темно-палевые суслики. Немало было сурчин, и круглобокие байбаки, позабыв о страхе, глазели на великое множество повозок, людей и животных. Двигались пришельцы по берегам Еи с оглушительным грохотом, скрипом, криками. Полнили степь густые запахи лошадей, овец, длинношерстных буйволов и верблюдов. Такого переселения еще не видела глухая южная степь, рассеченная полноводной, с разливами, шумной рекой.

Есаулы Полухин и Куприков, оторвавшись от командира полка, пустились вперегонки к трем карагачам, богатырски возвышающимся на вершине холма. Оба были немолды, с Цимлы, вдоволь понюхали пороку.

– Красотища, ровно у нас на Дону! – осаживая лошадь, воскликнул Полухин, взволнованный видом бесконечной равнины, синим блеском извилистых речек. Восточная сторона неба, озаренная солнцем, слепила глаза. И на севере, где вдалеке тосковала по ним отчая сторона, небосвод был удивительно ясен.

– Дуже земли богато! – откликнулся сослуживец и по привычке поднес к глазам ладонь. – Вот за эту самую землю, стал-быть, мы и бьемся с турками да татарами. А на кой ляд она нам нужна? В станицу душа просится.

– Ты, Куприков, других не смущай. Не наша на то власть. Как царица прикажет, командующий Долгоруков али полковник. За Отечество стоим. А домой успеется. Мы с тобой до есаулов дослужили не на печи, а на поле бранном. И ты тоске не поддавайся!

– Да я не про то... Про станицу вспомнул потому, что весна. Жизнь воскресает, всякая тварь парует. И не хотишь, а про любовь думается. Про жёнкину перину!

– Про курень и семью вспоминать не грех. А кручиниться – невозможно! С нашим Платовым не заскучаешь.

– В двадцать лет полком за здорово живешь командует. В отца своего Ивана пошел, тот тоже полковник. А Матвей никак сверху, по старшинской части повышен.

– Нет, не войсковой атаман чин ему давал. Генерал-аншеф присвоил. И справедливо! – воскликнул Полухин. – Под Кинбурном я при нем был. Полковник первый в бой, прямо по морю, вброд поскакал! Ажники турки растерялись!

Вдоль подошвы холма промчался разъезд разведчиков. Было на расстоянии слышно, как мерно и гулко бьют по земле копыта. Есаулы обернулись назад. Ейская долина, открывшаяся глазам, до самого горизонта пестрела кочевьями ногайцев.

– Ты погляди, сколько у ногаев овец! – вскинул руку с висящей на ней плеткой Куприков. – А мои ребята одной пшенкой коштуются. Да и твоя сотня не пирует. Микит, давай отобьем отарку? У меня есть отчаянные головушки.

¹⁷ Причужить (каз). – присвоить.

– Аль мои казаки не такие? – оживился Полухин. – На голодный курсак¹⁸ не навоюешь... Никак, Платов к нам?

Полковник в сопровождении ординарцев-низовцев, Арехова и Кошкина, круто повернул и погнал коня на холм. Выглядел он жизнерадостным и бодрым, в темнокарих глазах мерцал лукавый огонек. Спешившись, Матвей Иванович прогулялся по зеленеющей целине, цепко посмотрел на есаулов, также спустившихся на землю.

– То-то застряли здесь, залюбовались, – укоризненно бросил командир, точно бы слышал их недавний разговор. – А вы в котлы чаще заглядывайте! Я был в твоей сотне, Куприков, и выпытал у казаков. Не должным образом, есаулы, службу несете! Вон, птицы дикой сколь на речке, – и казарки, и дупеля. Бей! Зайцев, куропатов в изобилии. Кабана я из плавней вчерась выгнал... Али добыть не умеете? Стрелять разучились? И шука трётся по отмелям. Али недо-суг? Али разжаловать кого в урядники?

– Исправимся, ваше благородие, – скороговоркой проговорил Полухин. – Накормим казаков досыта! Поход дальний, к слову... А нельзя ли у ногаев овцами поджиться? Мы над ними охрану несем, нехай за то нас уважают провиантом.

Платов лукаво прищурился.

– Коли не попадетесь, – похвалю. А распознают едисаны – прощения не будет, поелику дружественны они нам. Следом идет полк Ларионова. Смекайте, что к чему...

– Так точно! – озорно отвечив Полухин, наблюдая, как полковник, оттолкнувшись носком, взлетел в седло, взял повод из руки дюжего Арехова. Мгновенье – и Платова след простыл. Его высокая шапка мелькает уже в гуще колонны.

К полудню распогодилось. Рассиялось южное солнышко. И по просыхающей вековечной целине ступать лошадям стало легче. Сотни повеселели. Подставляли лица казаки ласкучим лучам и мечтали, что выйдет замирение с турецким султаном и отпустят их полк на Донщину. И будто с родины привет, – звенел в поднебесье такой же, как в милой станице, жаворонок, а показачьи – посметушек. Размеренно шагали кони, отмеряя вёрсты. Но как узнать, что впереди?

Снежный буран нагрянул из-под темных, сгрудившихся туч. Нахлестом ударил ледяной ветер, с нарастающим шумом посыпалась мелкая крупа, бея землю, лошадей и всадников. Подуло еще сильнее. И дали сплошь закрылись снегопадом!

Платов приказал ставить бивак на берегу Еи, где в глинистых ярах можно было укрыться от продувного холода. Здесь было достаточно камыша, сбитого льдинами, чтобы палить костры.

Рассредоточились посотенно, готовясь к ночевке. Снег время от времени редел, но ветрюган не унимался. В этот час и отправились из сотни Куприкова на другую сторону реки пятеро храбрецов. Для отвода глаз надели ногайские халаты...

Лишь под вечер потеплело. С трудом растопило солнце сизую наволочь на закатном краю неба. И в полку жизнь оживилась: фуражиры раздали казакам в гарнцах овес и те, выведив после дороги лошадей и обтерев их бока пучками сохлой травы, – задали корм. Пластуны и подводчики под приглядом урядников умело ставили походные шалаши и палатки, кашевары собирали курай и кололи ветки верб, торопяся разжечь костры.

На этом биваке, у истоков Еи, платовский полк догнал следовавший позади полк Ларионова. Он прикрывал последние обозы едисанской орды. Однако часть ногайских кочевий бесследно исчезла. И полковник Ларионов, выслав разведчиков, убедился, что изменники повернули в обратную сторону, навстречу татарскому войску.

На ужин в котлах был приготовлен густой кулеш из солонины. Какой-то ногайский бей расщедрился на два мешка кукурузных пышек. Донцам повезло и второй раз: ночью пригнали посланные за реку казаки десятка два овец, которых тут же освежевали, а шкуры спрятали.

---

¹⁸ Курсак (доиск.) – живот.

Напротив, за Еёй, находилось ногайское кочевье.

Сотни костров по берегам подсвечивали ночной небосклон. Соседство казаков, вставших лагерем, успокаивало ногайцев. Неведомо, когда обнаружили они угнанных овец. Но никто из них с жалобой в полк не явился.

А донцы, насытившись и отдохнув, затеяли чехарду. Раззадорились настолько, что и офицеров увлекли наравне со всеми прыгать и стоять на раскаряку, кряхтеть от увесистых толчков дюжей братии.

Не утерпел и Платов. Тоже вдоволь наискакался, отвел душу. А в сиреневых сумерках, державшихся в степи, служилый люд затянул старинную песню. Много грусти и жалости было в ней, много любви к родной земле-матушке! А под конец завели военные песни-сказы про походы и героismo...

С разных сторон к берегам крались волчьи стаи. Сайгаки, спугнутые кочевьями, ушли на Маныч. Любо им на черных землях, богатых сочными травами и солончаками. А волкам стало тяжелей, перебивались чем придется. Иногда обкладывали заячьи хоромы, шли на них тесной цепью. Запах отар и лошадиных косяков почуяли они за много верст, и стремительным броском приблизились по ночной степи.

Вожак, вытянув шею, долго не покидал сурчиного бугорка. Решал, откуда начать охоту. Его стаю давно учуяли сторожевые псы, поднявшие лай. Пугали и костры, над которыми высоко поднимались искры-быльки, похожие на тающие звездочки. Вдруг неподалеку раздался перестук копыт. Волки, следя за вожаком, стали разворачиваться. Но минута – и всадник был таков. Не угнаться ослабевшему после зимовки волку за татарской резвоной лошадей.

Конные разведчики Девлет-Гирея доложили утром, что кочевья едисанцев и казачьи полки приближаются к Черкасскому тракту, на котором замечен большой русский обоз с провиантом, направляющийся на Кубань. Эти же лазутчики поведали, что верные им ногайцы сообщили место будущего становища. С востока и юга оно ограничено изгибом Большого Егорлыка, а с севера шумливой Калалы, как раз сливающихся в этом месте. Не зная того, казаки и ногайцы сами лезли в западню!

7

То, что поступил опрометчиво, сев на лошадь, Леонтию Ремезову стало понятно уже на исходе первого дня. Вновь разболелась рана, бросило в жар, и он покорно улегся в арбе аулбея, в которой ехали две жены Керим-Бека. Хотя сотник жил у них почти месяц ни Мерджан, ни Алтынай не снимали платков, из-под края которых видны были только глаза. Но почему-то Леонтия необъяснимо влекло к Мерджан, – была она высока, стройна, в движениях уверена. Ее сомужница, полная и неповоротливая, выглядела старше. Между женами иногда вспыхивали перепалки, но тут вступала в спор первая жена аулбея и – водворялся покой.

Слуга его, казак Плёткин, ехал за арбой на верблюде и, костеря глуповатое животное, частенько слазил на землю. Однако свою лошадь, заметно отдохнувшую за последнее время, округлившуюся в боках, седлать не торопился. Жалел.

«Когда же полк догоним?» – грустно гадал Ремезов, глядя на влекущиеся мимо скаты холмов, кустарники, приречные камыши. Временами кочевье оказывалось на гладкой, как стол, равнине, теряющейся в дымке горизонта. И тогда выхватывал глаз стада дроф, пасущихся вдоль солончаковых низинок, журавлиные стаи. Птичьи концерты не умолкали ни на час. Жила степушка своей извечной жизнью!

Снежный буран заставил Керим-Бека остановить дальнейшее продвижение. Он полукругом выстроил арбы и повозки под прикрытием зарослей фундука. К счастью, кое-где на ветках удержались орешки, и аульная детвора принялась ими лакомиться.

Плёткин почему-то в этот день был, как никогда, угрюм и насторожен. Он сбатовал¹⁹ своего верблюда, отогнал на край бурьянов и неотлучно находился при командире. Когда прислужники и жены аул-бея развели костер и стали готовить калмыцкий чай, Иван наклонился к сотнику, лежащему на арбе.

– Ваше благородие, извелась душа по своим. Надо от этих нехристей отбиваться. Я даве видал наш разъезд казачий, он по бугру мелькнул. Должно, и полк поблизости.

– А как реку одолеть? Разлив широк.

– А я сплавлю смастерю. На решетку, что от юрты, камыш уложу. Абы вас перевезти, а я и на коне переплыву. Зараз метелицу переждем, а там потеплеет. Вы скажите бею, чтоб подсобил в переправе. Да и харчей нехай бабы дадут, покамест своих достигнем.

Леонтий слушал казака, поглядывая, как Мерджан налиwała в закопченный большой котел воду. Она нравилась ему с каждым днем всё больше, казалась еще красивей. Недели две назад Керим-Бек привел в свой шатер, заплатив большой калым, юную женушку Айгюль. И теперь не разлучался с ней, лелеял, освобождая от всякой работы. Старшая жена аул-бея, уже поблекшая тетка, безропотно мирилась с медовым месяцем мужа, но в глазах Мерджан замечал Леонтий презрительный блеск, когда появлялся аул-бей вместе с баловницей. И трудно было понять, почему ей предпочёл муж какую-то тщедушную девчонку. Вероятно, была неласкова с ним, холодна. По этой причине и не могла зачать ребенка...

– Хороша баба, эта Мерджанка, – поймав взгляд сотника, кивнул Иван. – Да и по-нашенски говорит чисто. Спрашивала, чи женат вы, ваше благородие.

– Помоги мне встать.

Ремезов, опираясь о плечо казака, стал на землю. Прихрамывая, подошел к костру погреться. Мерджан встретила его улыбающимися глазами. Проворно и легко подхватила со своей арбы сундучок и поставила к ногам русского, показывая рукой, чтобы садился. Леонтий, смущенный и тронутый заботой ногоянки, кивнул в знак благодарности. Между тем боль в левой ноге утихла. Недаром знахарь заставлял его спать в мешке из собачьей шерсти.

Мерджан с прислужником, рубившим конину, стряпала похлебку. В воздухе, посветлевшем после метелицы, искрились снежная пыль. И степь окрест, и подводы, и крупы животных были в мучнистом мелком снежке. А кусты боярышника узорились черно-белыми ветками. Густо и пряно пахло дымом, стелящимся по-над землей.

Вдруг откуда-то с неба, широко разбрасывая крылья, стала резко снижаться серо-палевая дрофа, угрожающе кугикая. Леонтию показалось, что ее кто-то подбил. Но, рухнув на прибрежный взгорок, огромная птица (гораздо крупней станичных индюков) засеменила когтистыми лапами, кинулась наутек, с обвисшими, покрытыми слоем льда крыльями.

Плёткин, схватив двурогие вилы – первое, что попало под руку, – припустил вдогон. Мчалась дрофа прочь с поразительной скоростью, издавая невнятный клекот и размашисто кидая ногами. Но и казак явил такую прыть, что расстояние между ними стало сокращаться. Бедная птица, обессилев от ледяного панциря, сковавшего оперение после дождя и ударившего следом мороза, закричала отчаянней. Несколько раз попыталась взмахнуть крылами, но не смогла...

Ногайчата с радостными криками сопровождали охотника, волокущего тяжелого дудака за шею. С потного лица казака не сходило довольное выражение. Он швырнул добытую птицу под арбу бейских жен и, переведя дух, вымолвил:

– Никак не менее пуда, господин сотник. Тяжелючая – ужась. На всех хватит!

Джамиля, биринджи-жена²⁰, позвала двух аулянок, которые ощипали дрофу, осмолили на костре и, выпотрошив, передали одному из джор²¹ Керим-Бека. Тот нанизал тушку птицы

---

¹⁹ Сбатовать (донск.) – стреножить.

²⁰ Биринджи-жена – старшая жена.

на вертел и принялся жарить на углях из старых коряг, найденных возле реки. Ватажка детей крутилась поблизости, ожидая угощения.

Снова повеяло теплом, раскрылось небо. И закатные лучи медно-красной дорожкой пролегли по разливу Еи, окрасили степное заснежье. С кустов стали осыпаться влажные, точно сахарные, комочки. Напористой затрещал костер. Ремезов, протягивая руки к огню, искоса наблюдал за красавицей Мерджан, хлопотавшей у котла. Украдкой и она посматривала на статного казачьего офицера, шуря от дыма свои прекрасные зеленоватосерые глаза.

Семейство Керим-Бека вечеряло отдельно, у костра. Единственным приглашенным был мулла. Этот щупленький старик, однако, обладал завидным здоровьем. Несмотря на многократные молитвы в течение дня и ночи, мулла всегда был бодр и разговорчив. Мудрый властный взгляд и несуетность в движениях невольно вызывали у окружающих уважение. За ужином, как наблюдал Леонтий, священнослужитель в чем-то пытался убедить Керим-Бека, но тот возбужденно возражал, вскидывая руки. Разобрал Ремезов только два слова: «Девлет-Гирей» и «урус-эфенди»²². По всему, снова речь шла о войне, об угрозе нападения турецких разбойников.

Аул-бей сидел в окружении мужчин, у самого огня. Женщины – поодаль, тихо переговариваясь и осаживая детей. Леонтий снова смотрел на Мерджан, испытывая неведомую тягу, любясь ею и замирая от сладкого волнения. Он прислушивался, когда говорила она, и находил, что голос ее певуч и приятен. И, поглаживая отросшую щетину на подбородке и щеках, мечтал о такой жене, как она...

Дым от костра, предвещая краснопогоде, поднимался отвесно. Вскидывались ввысь искры от сгоревшего бурьяна. Сотник смотрел на белесый подвижный столб, с огнистыми проблесками, на звездное небо в смутной пелене. И с тоской думал о Черкасском городке, вспоминал отца и мать, сеструшку Марфу. Он посылал им гостинцы с оказией накануне Рождества, а восточку от родных получить так и не успел...

Плёткин, не обращая внимания на аульцев, помолился вслух, завернулся в толстую кошму и улегся на арбе, в ногах командира. Полежав, поднял голову и негромко промолвил:

– Не по душе мне ночь. Чтой-то томашатся ногаи. Сходки творят, с Керимом спорят. Недалеко и до беды! Я конька подседлал, да и вам подобрал добровитого, Мусы-охранника. Кто их разберет, галманов?

– И я заметил! – отозвался Леонтий. – Кинжал у меня под рукой, да и шашка.

Где-то в поднебесье летели гуси, перекликались. Им вдогонку спешили журавли – с зенита донеслось их отрывистое курлыканье. Уединенно, сонно взлаивали собаки. Под эту походную степную музыку уснул Леонтий незаметно и крепко...

– Ваше благородие! Вставайте! – горячечно бормотал, тряся его за плечо, Иван. – Никак башибузуки наскочили! Топ конский... Скорейча!

Ремезов выпутал ноги из мехового мешка, одним движением проверил пояс, на котором висели ножны с кинжалом. Ступив на землю, вытащил из-под постели турецкую саблю. Гортанные голоса все громче раздавались в разных концах становища.

Донцы полохнули к зарослям боярышника. Бегом прокрались к лошадям, но возле них дежурил кто-то. А неведомые всадники с диким гиканьем пронеслись мимо, к арбам аул-бея. Вскоре там раздались горестные женские крики, озлобленные возгласы мужчин. У Ремезова оборвалось сердце, – происходило что-то злоумышленное.

Между тем налетчики уже гарцевали у казачьей арбы. Переговариваясь по-татарски, разметали казацкие вещи. Стали допрашивать аульцев, выясняя, куда скрылись гяуры.

---

²¹ Джора (татар.) – слуга.

²² Урус-эфенди (татарск.) – русские господа.

Плёткин держал в руке заряженный пистолет, весь обратившись в слух. Рядом сотник с пашкой в руке следил за происходящим из-за веток. Не исключено, что кинутся их искать. Немудрено найти! И одно стыло в сознании: как можно дороже отдать свою жизнь...

Татары, посовещавшись, ускакали. А плач всё громче доносился от кибитки аул-бея, – так причитают только по мертвому. Скорей всего, дикие полуночники кого-то казнили. Оба подумали о Керим-Беке. Поплатился за дружбу с русскими!

– Нам нельзя в аул возврататься, Леонтий Ильич! – вполне спокойно рассудил казак. – Врагам выдадут.

– Высвистывай коня, а я отвлеку пастуха, – поторопил сотник.

Сторож, вероятно, догадавшись, что налетели ханские разбойники, предусмотрительно отогнал табун. Силуэты лошадей темнели в призрачном блеске молодого полумесяца. Едва поспешая за слугой, Ремезов спустился в балку, где ощущалась под сапогами взросшая травка. Ногаец окликнул.

– Это я, Ремезов-эфенди. Офицер! – назвал себя Леонтий, идя навстречу двигающемуся в его сторону всаднику. – Мында кель!

– Сиз не истейсиз?²³ – настороженно отозвался табунщик, придерживая пляшущего жеребца.

И пока сотник, хромя, подходил к нему, Плёткин сделал крюк и подобрался сзади. И в ту минуту, когда Ремезов перемежая русские и тюркские слова, стал просить у сторожа лошадь, казак напал со спины, свалил ногойца наземь. Занялась драка. Плёткин был на голову выше и вдвое шире в плечах.

Гнали лошадей на светлеющий восток. Возле бурного ручья нарвались на бирючий выводок. Иван пальнул в жоака с близкого расстояния, и, по всему, ранил, потому что волки отстали.

Днем сделали передышку. Дальновидный казак достал из-за пазухи запасенный с вечера увесистый кусок жареной дроблятины. Была она тверда, с легким привкусом кровицы, – не дошла на костре, – но вкусна необыкновенно. Время от времени Иван поглядывал на командира, рвущего крепкими зубами мясо, и самодовольно улыбался. Любил он сотника, считал за браташа²⁴. И теперь, наблюдая за ним, убедился, что Ремезов здоров, как прежде. И слава богу!

Вдоль терновников, на южном скате, голубели бузлики и лимонно лучились возгорички – первые вешние цветочки. Леонтию вновь вспомнилась Мерджан, ее особенная красота. В отличие от соплеменниц лицо ее было удлинненным. Нос с горбинкой. Выделялась она и статью, напоминая кабардинку. Но всего чудесней были у Мерджан глаза, – глубокие, завораживающие, в опуши длинных ресниц. Не встречал он в жизни такой женщины...

Трезовонили в небе жаворонки. Кони поднимались на гребень увала. И, укачавшись в седлах, донцы безмолвствовали. На самой вершине ютилась кизиловая рощица. Ветви раскидистых деревьев сплошь убралась золотистыми кисточками цветов. Над ними вились дикие пчелы. По всему, кизилы доцветали, потому что под стволами желтела мельчайшая, как пшено, пыльца. Ремезов засмотрелся на ветви, а когда опустил глаза, – ледяной холод окатил с ног до головы.

Ниже, в долине, сколько мог видеть глаз, двигалось верхоконным порядком и на повозках пестрое многотысячное воинство. Замер и Иван, вглядываясь и недобро раздувая ноздри. Воины в чалмах, турецких фесках.

– Матушка честна, сколько басурманов! Никак это крымские татары с османами? И запасные табуны при них... – не то спросил, не то вслух размыслил казак. – В нашу сторону правят! На Дон!

---

²³ – Иди сюда! – Что вам надо? (татарск.)

²⁴ Браташ (донск.) – младший брат.

Ремезов это понял сразу.

Повернув на север, путники решили упредить чужеземцев, добраться к своим раньше, чем сблизятся они с казачьими полками. Однако кони изрядно утомились. Приходилось пере-езжать водомоины, ручьи, солончаки. Наконец, остановились на роздых в облеске. Набрали сморщенного на морозах, терпкого терна. Плотнели сумерки. Охраняли лошадей и спали по очереди, прикорнув на куче хвороста, прикрытой бурьянцом.

А в ночи, за холмами, стояло высокое зарево. Неприятельская армия грелась у костров, готовясь к будущим сражениям. И пламенный отблеск их зловеще ранил небо!

8

Граф Орлов-Чесменский, посмеиваясь над своей неуклюжестью, вызванной долгим сидением и полнотой, вылез из качнувшейся кареты на темную, влажную после дождика брусчатку. Рослый, в генеральском суконном мундире, в парике и треуголке, он выглядел великаном на венской вечерней улице, стесненной старинными зданиями. В ушах затихал многодневный грохот колес. Чуть покачивало, как на палубе. Охрана расторопно окружила его, озираясь по сторонам. Подбежал высланный вперед генеральс-адъютант Христинец, отчеканил:

– Апартаменты для вашего сиятельства, по обыкновению, отведены на нижнем этаже. Дмитрий Михайлович готов к приему. Прикажете выносить вещи и располагаться?

– Посланник один?

– Не могу знать, Алексей Григорьевич! Особ посторонних не приметил.

– Поспешай, Ваня. А я разомнусь...

Над австрийской столицей, в безоблачном небушке рдели угольки первых звезд. Из соседнего квартала доносился перебор подков, голоса, монотонный звук шарманки. Он сдернул с головы треуголку и вдохнул свежесть цветущей у решетчатой ограды, белой сирени, ощутил примешенный к ней дух выпечки. Неужто пекут его любимые ватрушки с изюмом и корицей? Алексей Григорьевич улыбнулся: славный Голицын, политик мудрый и человек отменной доброты...

В окнах дворца Селмура, где обосновалось русское посольство, затеплились свечи. Он вдруг осознал, что добрался до Вены и большая часть пути благополучно преодолена. И хотя двигался инкогнито, под охранением преображенцев в партикулярных платьях, вероятность вражеской диверсии против главнокомандующего русскими войсками в Архипелаге была велика: и польские конфедераты, и турки, и просто разбойники могли напасть где угодно. Однако здесь, в столице нейтрального государства, чувствовал он себя вполне безопасно. К тому же любил этот своеобразный старинный город. Вспомнилось, как приезжал сюда на переговоры с канцлером Кауницем и, изошряясь в красноречии, излагал российские условия мира с Портой, приемлемые для обеих сторон, и убеждал, чтобы Австрия поддержала в пользу России отделение Валахии, Молдовы и Крыма. Но миссия не дала пользы...

– Голод не тетка, – простодушно пробормотал Орлов, с улыбкой глянув на бравого усача из охранения, и вперевалочку двинулся к парадному входу. Под тяжестью веса ботфорты его не заскрипели, а застонали. Перед дверьми, распахнутыми служителем, Орлов бросил взгляд на вернувшегося адъютанта, – тот, поняв графа без слов, подшагнул, принял меховую накидку, сброшенную с плеч одним движением.

В дворцовом коридоре строем встречали советники в дипломатических мундирах. Подчеркивая особое уважение к гостю, впереди стоял Дмитрий Михайлович Голицын, русский посланник при Габсбургском правительстве. Торжественность момента подчеркивали и его дорогой камзол, и орденская лента через плечо, и осанистый вид. Но в прищуренных карих глазах искрилась неподдельная радость.

– С благополучным прибытием, ваше сиятельство!

– Гутен, гутен абенд, майн либе фройнд!²⁵ – по-немецки приветствовал прославленный Чесменский герой, раскидывая руки. – Зело приятно видеть вас, князь, во здравии и благополучии. А меня утрясли к бесу прусские ухабы-разухабы! Из Петербурга давеча метель выгнала, а у вас уже весна красна в разгаре!

Они обнялись, и присутствующим бросилось в глаза разительное несходство между гигантом Орловым и сухощавым, невысоким Голицыным. Высвободившись из крепких объятий генерала-силача, Дмитрий Михайлович озабоченно осведомился:

– Не надобно ли вашему сиятельству дохтура? Неподалеку живет герр Мейер, он прекрасно пользуется...

– Я паки доверяю Ерофеичу, знахарю московскому. Мне он давно уж ведом. И на сей приезд завернул было к нему на пути из Хатуни, родового имения, так что запаса снадобьями да декохтами... Признаться, князь, о болячках думать недосуг. Перемены при Дворе... Да и в Архипелаге предстоят баталии новые.

Посланник, мгновенно уловив настроение гостя и его внутреннюю напряженность, подхватил:

– Миссия в Архипелаге, возложенная на вас государыней во славу Отечества, посильна лишь богоизбранным. Она требует особой расторопности, отваги и прозорливого разума.

– Да полноте, любезный Дмитрий Михайлович, – отмахнулся Орлов. – О Ваших заслугах я самолично от матушки императрицы слыхивал.

Посланник всячески избегал похвалы в свой адрес и поспешил извинительно улыбнуться:

– Однако соловья баснями не кормят! Я заговорил Вас... Не смею задерживать с дороги.

– Ей-право, малость отдохну. Веди, Христинец!

– Не сочтите за самоуправство, но для вашего сиятельства я пригласил музыканта, о ком молвят по всей Европе, – поспешно сообщил хозяин. – Соболаговолите ли послушать его после ужина?

Орлов на ходу кивнул и неожиданно быстрой походкой (при его грузности) двинулся по коридору. Сбоистый гул шагов утих у дальней стены. И только свечи в шандалах, у парадной лестницы, еще долго вздрагивали, будто ветер промчался...

Спустя час в зале начался прием. Присутствовать за ужином удостоились чести особы близкие послу и Орлову. В отличие от предыдущих приездов любимца Екатерины, когда эти стены сотрясала многоголосая иностранная речь, нынче собрались только россияне. Яств было в изобилии. Орлов с удовольствием отведал запеченной телятины, приналег на фазанов, начиненных арабскими специями и овощами, вдоволь вкусил форели, тушеной капусты и трюфелей, запил всю эту вкуснятину белым тосканским и рейнвейном и, повеселев, сбросив дорожную усталость, принялся шутить, рассказывать о своих амурных похождениях в бытность сержантом Преображенского полка. Его двусмысленные признания то и дело вызвали взрывы смеха.

Наконец стол был основательно опустошен, и Орлов велел пригласить музыканта. Спустя минуту в залу стремительно вошел худощавый юный скрипач, в белом артистическом сюртучке, с изящным бантом на шее и в высоких тирольских башмаках. Напудренный парик оттенял его живые темные глаза. Он коротко поклонился немногочисленной публике и приготовился играть.

– Кто сей व्यюноша? – полюбопытствовал Орлов, уловив не по возрасту осмысленный взгляд музыканта.

– Моцарт. Он вернулся из Италии, где концертировал, а нонеча служит в Зальцбургском аббатстве. Талантлив отменно! Несмотря на младость, насочинял несколько опер и симфоний, уйму пиес и сонат. Мне рекомендовали его мои австрийские друзья.

---

²⁵ Добрый вечер, мой дорогой друг!

– И я о нем наслышан, но не наслушан, – скаламбурил Алексей Григорьевич и, уловив за спиной оживление сотоварищей, сел глубже в тяжеловесное, с инкрустированными ручками кресло.

Дождавшись тишины, юноша уверенно коснулся смычком струн, и с первых нежнейших звуков Орлова точно бы неведомая сила унесла прочь. Замерев, он всецело отдался изумительной по красоте мелодии скерцо. Скрипка в руках виртуоза обрела чудесную способность изъясняться на языке, понятном любому человеку. Перед глазами вставали чудесные миражи и картины, неожиданно возникали черты женщин и дорогих сердцу братьев, подмосковные дали, безбрежные морские просторы...

Голицын исподволь наблюдал за гостем, одним из самых влиятельных людей государства Российского, чье имя вызывало как восхищение, так и ненависть. И с удивлением отмечал, насколько этот бесстрашный буян восприимчив к скрипичной музыке. Впрочем, многие знали, что у Алехана, как звали Алексея Григорьевича при дворе, сентиментальное и на редкость щедрое сердце...

Бурные аплодисменты и возглас «браво» вернули Орлова на грешную землю, он вздернулся и выдохнул:

– Пробрало до нутра! Надо забрать его в Россию. Я напишу Шувалову, главе Академии изящных искусств, дабы денег на сей случай несколько не пожалел!

– Боюсь, сделать это будет затруднительно. У юного чародея концерты расписаны на месяцы вперед. К тому же он связан обязательствами перед аббатом. А сей богослужитель, как известно, чрезвычайно неуступчив. Однако, в дальнейшем поездка в Россию вполне возможна.

Моцарт погасил улыбку и энергичным жестом бросил смычок на струны, громко начав и тотчас оборвав музыкальную фразу. Это произведение было полно грусти и рождало в воображении утраченное. Орлов, вспомнив зарево пожара над Чесменской бухтой, освещенные лица брата Федора и адмиралов, час славы и скорби по погибшим русским матросам, полыхающую вражью флотилию, ощутил, как сорвалось, громко застучало сердце. Видимо, надо пройти через страшные испытания, чтобы в такие минуты музыки осознать, что ничего нет бессмысленной войны и гибели людей...

Следом Моцарт заиграл мажорные миниатюры, импровизируя на темы итальянских мелодий. И восхищенные зрители долго одаривали его рукоплесканиями. Между тем этот самородок, по всему, крепким здоровьем не отличался. К окончанию концерта воротничок его рубашки стал мокрым от пота, на лицо легла тень усталости. Музыка, так легко рождавшаяся под руками, изрядно утомила юношу.

Орлов, подав Христинеку условный знак, изъявил желание побеседовать с музыкантом. Выяснилось, что он владеет и другими инструментами. Поток любезных слов посла и приезжего генерала обрадовали Моцарта, он отвечал благодарными полупоклонами. Но предложение выступить в России отклонил, отшутившись, что боится лютых морозов и гуляющих по улицам медведей. И тут же пояснил, что его гастролями ведает отец, также известный маэстро. Христинек подоспел вовремя, и граф Орлов вручил младому композитору и скрипачу пачку ливров.

Возбужденное настроение не оставляло Орлова и после, когда осматривал коллекцию картин, за время посольства приобретенных Дмитрием Михайловичем. Похаживая вдоль посольского кабинета, гость сбивчиво рассуждал:

– Прежде я считал занятие музыкой безделицей. Меня волновали звуки армейского рожка да походной трубы. Хотя в детстве, помнится, нравилось, как девки протяжно вели песни. Да и в церкви не раз плакал, слушая хоры. А в Европе своя музыка! Взять этого Моцартенка, мальчишку. Откуда он взялся? Как мог напридумывать душеволнительные мелодии? И притом еще – виртуозно владеть скрипкой!

– Божий промысел, – заметил Голицын. – Послан свыше, чтобы мы познали красоту музыки.

– Не иначе! Или наши молодые композиторы Березовский и Бортнянский. Первый в Болонской академии триумфатором стал, а второй и доселе в Италии обучается. Вот вспомните мои слова: оба возвеличат музыку российскую! И талантливы, и патриоты... Мне Бортнянский был помощником. Через маркиза Маруцци, нашего представителя в Венеции, пригласил я его к себе и приказал быть переводчиком на секретных переговорах с греками и сербами. И он, не колеблясь, включился в борьбу.

– До войны с Портой я в Париже служил. В пекле недругов. Версальский двор, Людовик XV и герцог Шуазель, как известно, были подлинными зачинщиками этой войны. Они беспрестанно интриговали против нас в Польше, в Швеции, в Порте. Ради чего? По мнимой причине конкуренции, прихода русских товаров в Левант. Но левантийская торговля на шестьдесят процентов принадлежит самой Франции. Соперница ей лишь Англия. Шуазель, однако, выбрал в жертву нашу державу. И преподло заигрывал с Австрией и Пруссией, чтобы вовлечь их в сговор против Екатерины Алексеевны...

– Я не знал, что англичане дружественны нам, когда предложил матушке государыне ударить по туркам с моря. Мы с братом до войны выехали в Европу лечиться, да и застряли! – Орлов усмехнулся, устало сел в кресло напротив. – Англичане, вестимо, взяли нашу сторону ради выгоды. Ежели бы мы, – не приведи господь! – преклонились Порте, то Людовик XV в союзе с Испанией и Неаполем, мог рассчитывать на возвращение Канады, отвоеванной лондонским двором. Французы поддерживали султана, совращали Вену, помогали барским конфедератам, чтобы затруднить наши действия. То, что Мария-Терезия и ее сын, австрийский правитель, держатся нейтралитета, это ваше достижение, князь!

– Вы переоцениваете, Алексей Григорьевич! Нейтралитет Австрии обусловлен разделом Польши. Ведь Галиция – лакомый для здешнего монарха кусок. Хотя она – издревле славянская земля. Признаться, я всегда ставлю пред собой цель: сохранить между нашими странами мир. Много раз бывали то противниками, то союзниками. В данный момент никто не сомневается в сильной австрийской армии. И это удерживает в Европе равновесие.

– Каждый из нас служит во благо Отечества по-своему: я на морских просторах, а вы – в лабиринтах дипломатии. Как можно не оправдать доверия го суда – рыни?

Помолчали. Мерно отстукивали уходящее время напольные часы. Голицын многозначительно напомнил:

– Так, говорите, из Петербурга метель выгнала?

Алексей Григорьевич намек понял, крякнул:

– Метель... Дурная погода. Особенно в Зимнем дворце. На той седмице, перед самым отъездом, явился ко мне «Циклоп», то бишь Гришка Потемкин. Я с ним не церемонился! Впрочем, и он крепок. Мы знаем друг друга еще по Преображенскому полку... Не беда, что впал в милость к государыне. Лишь бы дров не наломал! Впрочем, государственный совет власть имеет, и Потемкину, полагаю, дадут прикорот. Да и матушка Екатерина, как всякая баба, полюбит, полюбит и – разлюбит. А тех, кто с ней рядом во все времена, помнит и ценит. Я напрямик поговорил с ней о «Циклопе». И, смею полагать, что к нам, Орловым, императрица не переменилась. С гвардейцами, что были при ее воцарении, да и в Ропше... С нами лучше дружить!

Голицын взял щепотку табака из расписанной арабской вязью табакерки, втянул ноздрями воздух и блаженно прищурился. Его примеру последовал и заинтересованный гость. Но сделал это так неумело, что троекратно чихнул.

– Шут его побери! Адская смесь! – бросил, смахивая рукой выступившие слезы, Алексей Григорьевич. – Откуда?

– Табак турецкий, – улыбнулся посол.

– Ту-урецкий?! И тут диверсия супротив главнокомандующего! От турок спасу нет!

Оба захохотали. Чуть погодя Дмитрий Михайлович взглянул на закрытую дверь и произнес вполголоса:

– Наш агент при версальском дворе, Зодич, передал важную шифровку. Она касается вас, Алексей Григорьевич. Дело пресерьезное. Прошу покорно, граф, отнестись со вниманием.

Орлов иронично усмехнулся, но лицо его постепенно приняло сосредоточенное выражение.

– Тайное общество польских эмигрантов-конфедератов при попустительстве французов готовят покушение.

– И насколько конфиденту можно доверять?

– В полной мере, Алексей Григорьевич. По батюшке он великоросс, а мать из шляхты. Проживал в Петербурге, измайловец, дальний родственник гетмана Разумовского. Отец его, полковник, сложил голову в конце Семилетней войны.

– И что же доносит этот Зодич?

– Конфедераты замышляют супротив вашего сиятельства диверсию. Безвестно, кто именно. Я дал указание ускорить разыскание. Об этом сообщил и в Петербург. А до той поры, покуда не поймает злодеев, Вам необходимо предпринять меры строжайшей осторожности.

– Не впервой! – отмахнулся генерал-аншеф. – Волков бояться – в лес не ходить. До старости, почитай, уже дожил и пулям не кланялся. А страшиться какого-то полячка – страм не только для меня, генерала, но и для любого российского воителя. Спаси вас бог за предупреждение, но жить буду только так, как сердце велит!

9

Потемкин расстался с любовницей под утро, покинув её спальню по тайной лестнице, ведущей в отведенные ему комнаты на втором этаже. Встреча была бурной. «Катюшка», как называл он про себя императрицу, радовалась больше него самого, что назначила возлюбленного подполковникам лейб-гвардии Преображенского полка. Теперь первый полк империи был в их руках!

Несмотря на то, что и предыдущую ночь спал мало из-за любовных утех, Григорий Александрович чувствовал себя отменно, улыбался, вспоминая ласки и нежные излияния августейшей особы. Он приказал дежурному офицеру принести ему кофе покрепче, такой же, какой по нраву императрице. И, подойдя к окну, отодвинул портьеру.

Над набережной и сталистой Невой вкось гнал норд-вест снежные вихри. Они сплетались в пляшущие клубы, мчались и мчались в сторону Петропавловской крепости. Почему-то подумалось, что неспроста свалились монаршие милости на него как раз в тот год, когда преодолел возраст Христа. Что это? Знак особой судьбы? Ведь, почитай, всего за три недели, прошедшие с ночи, которая бросила их в объятия друг друга, он возвысился до одного из самых могущественных людей страны, став новым фаворитом. Знал Григорий Александрович и о «ясновельможном пане», и о том, что приятель Орлов несколько лет ночевал в той же спальне, где теперь проводил он сладчайший досуг. Был наслышан и о Васильчикове, недолгом увлечении Екатерины Алексеевны. Но ревность пресекал тотчас, поскольку верил в чувство женщины, давно ему милой.

Потемкин, печатая шаги, точно бы перед строем, бодро прошел к столу и придвинул кресло. Со дня присвоения ему звания генерал-адъютанта, с первого мартовского дня, он имел право просматривать почту императрицы. Вчера он дал распоряжение представить ему поступившие реляции и документы секретной переписки. Ключом, который никогда не выкладывал из кармана мундира, Потемкин отомкнул ящичек стола, где хранил письма императрицы И

бегло пробежал глазами начало самой первой записки. Так могла написать только поглупевшая от страсти женщина:

«Гришенька не милой, потому что милой... Я тебя более люблю, нежели ты меня любишь, чего я доказать могу, как два и два – четыре... Мне кажется, во всем ты не рядовой... и... чтоб мне смысла иметь, когда ты со мною, надобно, чтоб я глаза закрыла, а то заподлинно сказать могу того, чему век смеялась – «что взор мой тобою пленен». Экспрессия, которую я почитала за глупую, несбыточную и ненатуральную, а теперь вижу, что это может быть...»

Григорий Александрович живо вспомнил, как впервые увидел на дворцовом куртаге в Петергофе Екатерину, двадцативосьмилетней, восхитительной, еще довольно стройной. Он влюбился сразу и безнадежно в супругу престолонаследника. И было ему тогда, юношегимназисту, всего семнадцать годков. И совершенно недостижимой представлялась великая княгиня, улыбающаяся польскому посланнику Понятовскому...

Спустя четыре, года, бросив университет, Потемкин в ранге каптенармуса Конного полка прибыл в Петербург. Оказался здесь с намерением прославиться, ибо смолodu мнил себя либо генералом, либо архиереем. И этот тщеславный пыл неотступно кружил голову!

Знать, недаром дал господь Григорию рост высокий, баритональный голос, но пуще всего – мужественное лицо, обрамленное густыми темными волосами, так что и носить парик необходимости не было. Тут, в Конном полку и познакомился он с офицерами светского общества. А с бойким адъютантом Шувалова, Гришей Орловым, даже подружился. Третий фаворит великой княгини и представил ей красавца-богатыря Потемкина. А после воцарения Екатерины, он не только был одарен деньгами и крепостными, но и чином. Из унтеров, через ступеньку, был пожалован в подпоручики. А всего через три месяца – дух захватило! – благосклонно получил камер-юнкерский чин, что позволяло бывать во Дворе, – хоть по делам, хоть на праздниках!

Быть вторым, оставаться в тени Орлова ему не позволяло самолюбие. Видеть императрицу, любоваться ею, но при этом знать, что ночью его товарищ снова придет в ее апартаменты, – роль стороннего наблюдателя бесила и заставляла злословить над завсегдатаями Двора, веселить голосовыми подражаниями и остротами августейшую хозяйку. Это положение «забавного оригинала» длилось около трех лет.

А затем новый подарок судьбы! В течение полутора месяцев, осенью 1768 года, он был произведен в камергеры и... исключен из Конной гвардии. Исключен, имея уже чин поручика. Волей матушки-царицы уготована ему была сугубо дворцовая либо государственная служба. Но всему есть предел, – и Потемкин сдерживал себя только месяц...

Бунт «оригинала» Екатерина восприняла как обиду и внешне переменялась к Потемкину. Он добровольцем отправляется на войну, послав императрице письмо, исполненное восторга и неизъяснимой благодарности за все милости. Патриотический порыв Екатерина оценила!

За годы военной службы Потемкин обрел признание командующего 1-й армией Румянцева, как толковый командир. Он громил турок при Фокшанах, на Дунае, добывал славу Отечеству, мало думая о том, что происходит при Дворе. И вдруг, в минувшем декабре, депеша от царицы. Послание странное. Он столь тщательно изучал его, что концовку запомнил наизусть: «Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то вас прошу по-пустому не даваться в опасности. Вы, читав сие письмо, может статья, сделаете вопрос, к чему оно писано? На сие Вам имею ответить: к тому, чтоб Вы имели подтверждение моего образа мысли об Вас, ибо я всегда к Вам весьма доброжелателен».

Он догадался, что положение императрицы шаткое и требуется его участие. Однако бросить армию, – не в ранге каптенармуса находился, а в звании генерал-поручика, – так сразу не мог. И прибыл в столицу империи только в начале февраля, вызвав интерес придворного круга...

Зимний дворец просыпался, точно улей. Начинались визиты к царедворцам и встречи государственных людей. Не дождавшись президента Иностранной коллегии Панина, Григорий Александрович, стал просматривать скопированные Голицыным, русским посланником в Вене, донесения австрийского посла из Константинополя. О смерти султана Мустафы и воцарении его брата Абдул-Гамида в России знали. И надежды на перемены, похоже, начинали сбываться! Новый султан фактически доверил власть шурина, верховному визирю, Мухсен-Заде, командующему турецкой армией. А муфтием назначил Дури-заде-эфендия. Оба они выступали против начала войны с Россией пять лет назад, и возвеличение их ныне открывало перспективы для мирных переговоров.

Потемкин, поправив темную повязку, закрывающую невидящий левый глаз, встал и подошел к карте Российской империи. Ровно неделю назад на Государственном совете, о котором ему подробно рассказала императрица, обсуждались кондиции примирения с Портой. Панин предложил отказаться от Керчи с Еникале, от свободы плавания в Черном море русских военных судов в пользу Кинбурнской косы. Отповедь ему дал Григорий Орлов, обвинив в капитуляции и отказе от уже завоеванных преимуществ.

Отношения с Орловыми, со всеми пятью братьями, у него были натянутыми. Еще сложней – с Никитой Паниным, главой внешнеполитического ведомства и... воспитателем цесаревича Павла. Утвердиться при Дворе, стать рядом с императрицей он мог, только лавируя между этими двумя партиями, одинаково сильными. И, прежде всего, нужно было определить ближайшие цели.

Григорий Александрович взял со стола очиненное гусиное перо и, медленно водя им по границам, очертил грозовой круг: на севере назревала война со Швецией, на западе – не прекращались баталии в Польше, несмотря на ее раздел между Россией, Австрией и Германией; на юго-востоке и юге – тысячеверстовая линия русско-турецкого фронта, мятежный Кавказ; а на востоке – Волга и Урал в пламени разбойничьей войны Пугачева. Великая русская армия была разбросана по всему этому кругу. Он только что из 1-й армии Румянцева, и знает, как у него и у командующего 2-й армией Долгорукова не хватает воинов для успешного разгрома сил султана. За исключением некоторых операций, почти два года войска находились на одних и тех же позициях. Ситуация патовая, ни у султана Абдул-Гамида, ни у Екатерины нет возможности усилить натиск. Как разорвать этот роковой круг невзгод и войн, что сделать в первую очередь?

Потемкин, заложив руки за спину по армейской привычке, стал прохаживаться по диагонали посветлевшего кабинета. И вдруг, осененный мыслью, он остановился, вновь поднял голову. «Несомненно, войну с османами надлежит закончить наикратчайшим образом. Новый визирь – старый солдат. С ним можно договориться, возблагодарить щедрой суммой через агента. Для Порты главное – это Таврическое ханство. Они не могут оставить единоверцев. Но если эти народы сами признают нашу власть, вопрос с Крымом разрешится. Стало быть, ниточка, за которую нужно потянуть, чтобы вырваться из круга – это Кавказ! Доблесть и героизм полков наших смиряют устремления султана. А добившись с ним замирения, мы выгоду в Европе иметь будем. И без промедления покончим с самозванцем Емелькой! Да и Панина ниц преклоним, ибо императрицы триумф настанет!»

И, сам не зная почему, Григорий Александрович вполголоса завёл протяжное песнопение, которому мальчиком научился у отца Тимофея, священника из Чижова. Промелькнуло много лет, но этот светлый человек не истерся из памяти. Он учил не только любви к богу, но и занимался с детьми различными науками. Совет отца Тимофея петь это песнопение в честь Богородицы, когда нуждается душа в укреплении, а разум в ясности, недаром вспомнился в это мартовское утро. Видимо, Господь призвал его остановить в стране хаос, бунт и злоумышления недругов императрицы...

От моря Азовского до самого Каспия раскинулась гигантским ковром, на сотни верст, Великая степь, называемая в иные века – Диким полем. Размашисто легла во все стороны равнина, точно узорами, перевитая речонками и полноводными реками – Егорлыком, Еей, Кубанью, Манычем, Калалы, Гоком. Набивным орнаментом на этом ковре – холмы, пламенеющие цветами, яркая зелень небольших облесков и рощиц, дивная пестрядь цветочных делян. Особенно зазывной и волнующе первозданной предстаёт Великая степь в дни обновления природы, в ликующую пору весны!

Умытая талой водой, земля обрадовано тянется струнной травкой, ветками деревьев к пылающему в чистозорном небе солнечному костру! Так сияет светило, что невозможно разглядеть его края, – сплошная золотая лава, стекающая по горизонту! И от этого мартовского ли, апрельского теплушка с изначальной силой воскресает жизнь, будоражит и зверье, и птиц, и редких здесь кочевников.

Нескончаемый птичий гвалт, высвист и пение пронзают простор! В самые дальние места парами уединяются степные царь-птицы – дрофы. Дерутся за самок насмерть, выбивают в старой полегшей траве круговины гордые стрепеты. У болотцев и обильных рыбой озер облюбовали камышовые заросли журавушки. Почему они своим неудержимым зовом так трогают человеческие души? В чем секрет?

А у больших рек белеют стаи лебедей и пеликанов. Первые держатся парами. Пеликаны чаще – вместе. Широким кругом они сплываются к середине, сгоняя на отмель рыбу. И – вдоволь лакомятся, взмахами крыльев и криками отпугивая досужих чаек. Повсеместно выют гнезда бекасы, кулики и утки. Чуть поодаль, в бурьянах, гнездовья куропаток и перепелок. И еще множество степных птах обитает здесь, оглашая своими запевками окрестность.

Но нет мира-покоя в этом царстве зверья и птиц! Коршуны, луни и даже долетающие сюда горные орлы пластаются в поднебесье, зависают, трепеща крыльями, и вдруг обрушиваются вниз, выцелив жертву, – пташку ли, мелкого грызуна, а то и разморенного на солнце зайчишку. Удар хищника разящ и неотвратим. Правит всем и побеждает в степи сила...

С голосами жаворонков сливаются посвисты сусликов и сурков, резкие, вроде мяуканья, зовы лисиц, трубный клич сайгаков-самцов. Изредка раздаётся ржанье диких лошадей, копытящих низины и голощечины буераков.

С каждым днем приглядней становится степь, все больше по утрам разливаются протоки заповедных степных цветов – диких тюльпанов, называемых лазориками. Карминно-алые, пунцовые, белые, лимонножелтые озерки их пестреют среди бесконечных далей, восхищая красотой и трогая до слез случайных путников!

Однако дневная кутерьма сменяется в часы ночи необоримой тревогой! С проломным треском по кустарникам и камышам снуют кабаны выводки, разоряя гнезда, нападая на всякую зазевавшуюся птицу или зверушку. Тут же кружат и лисоньки, и енотовидные собаки, нередко схватываясь в жестоких единоборствах. Но всего опасней и коварней налет волков! Бирюк, конечно, нападает и в одиночку. Но далеко не всякого зверя он может догнать. А вот стайей, охватом, сужая пространство, охотиться верней! Ничего не боится волк, кроме огня. И почуяв дым, за много верст уходит прочь...

Семь ветров летят с востока – от Астрахани, семь с запада – от Азова и Тамани, и когда сойдутся вместе, кружат в диком переплясе, проносятся по степи бурями. И почти каждый весной, а то и летом-осенью, раздувают эти ветрогоны страшную и необоримую стихию – степной пал. Высохшие на яром солнце поясные бурьяны по чьей-то неосторожности либо умыслу вспыхивают, возносятся гигантским пламенем, с жуткой скоростью несущимся под напором ветра вперед, испепеляя всё на своем пути. Этот адский огненный вал растягивается на десятки

верст, – и в неуёмном страхе бегут, летят, мчатся прочь от пожара горемычные степные обитатели. Но как спасутся зайчата или птенцы-подлетыши? Убежит ли от него брюхатая сайгачиха или косуля? Нет укороту бушующему огню, нет от него защиты и спасенья!

Не так ли огненно катилась по Северному Кавказу военная стихия 1774-го года, – отголосок русско-турецкой войны или совсем отдельная, кавказская? В Петербурге – императрица и ее соратники – на этот вопрос знали точный ответ, воспринимая Кавказ целью своих стратегических устремлений. Кабарда прежде тесно сносилась с Крымским ханством, а через него, – с Османской империей. И немало сил потребовалась и самой Екатерине, и ее предшественникам, чтобы задобрить и обласкать непостоянные кавказские народы.

Теперь же ситуация на юге сложилась сугубо тревожная: воодушевленные приходом воинства Девлет-Гирея, кабардинцы и черкесы решили выступить против России. В первую очередь, разумеется, отстаивая свои собственные интересы, а не Порты. По их умыслу необходимо разорить и уничтожить крепость Моздок, казачьи поселения по Тереку. Но брали в расчет это намерение горцев в имперской столице?

Отчасти об этом Екатерина помнила. Но на переговорах о заключении мира с Портой разрешила своим посланникам пожертвовать Кабардой в пользу турок. И, стало быть, на кавказском театре боевые действия в интересах России велись командующим корпусом де Медемом и отрядом Бухвостова из 2-й армии по их личному усмотрению, исходя из конкретной ситуации...

Близость турецко-татарского стана побудила Ремезова задержаться в облеске. Решили тут передневать, а ночью пуститься дальше в поисках своего полка.

В полуденной тишине звенели безмятежные жаворонки, степь кохало солнышко. Обманчиво мирно было вокруг. Но казаки оставались настороже. Кое-как перекусили сухариками да вымороженными ягодами боярышника.

Говорили шепотом, не пропуская ни одного звука вблизи своего укрытия. Стреноженные кони охотно пощипывали вставший на сугреве кормовитый пырей. Плёткин достал кожаный кисет и трубку из переметной сумы, притороченной к седлу, и стал готовить курево. Ремезов невольно наблюдал за ним, жмурясь от солнца.

Красив и силен был Иван, рожак Черкасской станицы. Фигурой высок, подборист, с крепким поставом головы. Возрастом опередил он сотника на дюжину лет, понюхал порошу на Семилетней войне. Леонтий заметил его в первом же бою. Служилый казак, как было уговорено с односумами, держался сзади. А когда сошлись с османами, бросил коня вперед и врубался в гущу неприятельской конницы. Увертываясь от ударов, стал полосовать по крымчакам. И бог миловал отчаюгу, отводя от стрел и пуль. А минуту спустя именно Иван спас Ремезова, срубив летящего на командира татарина. И не раз еще оказывались они в сражениях рядом, и обоюдно подружились.

Трубка у Плёткина была необычная, посеребренная, в форме головы дракона. Не трубка, а дымарь, курушка для пчел, – столь велика размером. Иван, сосредоточенно хмурясь, топорща свои завитые на кончиках, черные усы, набил трубку табаком, сдобренным неведомой приправой. Ловко чиркая кресалом о кремь, поджег-таки духовитую начинку. Дым сизыми клочками лег на кустики дерева.

– Чтой-то я трубки этой у тебя не замечал, – удивился Ремезов. – Откуда взялась?

– Стародавняя. Оных ажик три запасено. И табачок знатный! Такой осман-паша курит. Я собственноручно резал да разминал. Поневоле погостевал у басурманов...

– У турок? – переспросил сотник, устраиваясь на ложе из хвороста и сохлой травы. – Правда гутаришь? Не врешь?

– А к чему брехать, ваше благородие? – обезоруживающе улыбнулся казак. – Такой грешок за мной числится, когда бабенка дюже приглянется. Мы, казаченьки, на язык гожие. Чем бабу улестишь? Лаской да брехней. Я было на той неделе к Мерджанке подкатился, а она хватъ кочергу да по хребту. Пригрозила вам пожалиться. А на другой день всё про вас распрашивала, дескать, отекда родом, сколь годочков... Должно, полюбила.

– Она замужня, а по их вере изменять неможно.

– Оно и по нашенской, по христианской, прелюбодеям в аду жариться. А кто безгрешен?

– Ты, грамотей, лучше проверь, где татары.

Ординарец сделал крюк среди деревьев, пристально оглядел долину. Неприятельская армия снялась. Это было с руки. Под вечерки им также можно трогаться.

– Ушли нехристи, – сурово сообщил Иван, попыхивая трубкой. – В нашу донскую сторону!

Ремезов подвинулся, освобождая на ложе место. Иван присел, сдвинул папаху на затылок, открывая волнистые густые волосы. С лица его не сходило задумчивое выражение.

– Ну, рассказывай про Туретчину, – предложил Ремезов. – До вечера далеко...

Казак всласть затынулся и помолчал.

– Да и не знаю, с чего начинать... Я неписьменный. Науку на войне превзошел... Стал быть, призвали меня в полк Краснощекова, славного нашего Федора Ивановича. Попал на войну зеленопупком. И восемнадцати не набралось, – за кулачные бои да за то, что до баб был охоч, выгнал меня атаман из станицы прежде времени. Службица лютая выдалась. За Одер, широку реку, не раз прокрадались. То скотину угоняли, то провиант отбивали, а то и шкодили занапрасно, жгли поместья. И вот сошлись мы с пруссаками возле Цорндорфа, воинство на воинство. Как ни упирались мы, а устоять не смогли. Подбили подо мной коня, а самого, ранитого и контуженного, захватили враженюки. И заслали, как плененного, в имение барона фон Шольца. Опречь меня находился там и наш кавалерийский офицер, ротмистр Скуратов. Был он сражен пулей в грудь, здоровья никудышнего. Днями выходил с палочкой, сидел на скамейке. Пруссаки с пониманием к нему относились. А меня заставляли мешки с мукой на мельницу таскать да в свинюшнике назем метать.

– Баил мой отец, дюже пруссаки аккуратисты, – заметил Леонтий.

– Точно так. Словом, пробыл я в заточении полгода. Завел любовницу-девку, горяча в деле, но конопатая и рыжая. Манит ожениться на себе, чтоб стал я закоренелым пруссаком. А у меня на уме одно: как вырваться? Тянуло на Дон до того, что, бывалоча, слеза прошибает. Летят по весне гуси в нашу сторонку, – махаю им рукой и кричу, чтоб матушке поклон передали.

Как-то подзывает меня ротмистр, – он излечился и мордень накушал, не хуже немецкого бюргера. Уводит за деревья бескорые, платаны, и предлагает учинить побег. Не напрямик в Расею, а в астрицкий край, какой ближе. Знать, австрияки помогут нам домой возвратиться. «Дайте, – гутарю, – ваше благородие, покумекать. И манится, и колется, и мамка не велит. Часом споймают хозяева, – кнутом засекут на скотном дворе. Им жестокости не занимать!» Наутро Скуратов сызнова стал секретничать и убеждать! Гляжу: смелый офицер, бывал в переделках. Не гинуть же на чужбине цельный век...

Своровали мы у этого фона Шольца телегу с парой венгерских кобыл. Не лошади, а черти бешеные. Раз вдаришь кнутиком – сто верст без остановки мчат. Знать, потому венгерцы и славятся, как рубяки. Коняка под ним, под венгерцем, огневая!

Бог дал, перебрались мы через кордон астрицкий, и по горам по долам попали в Зальцбург, город такой. Много домов больших, с балконами. В три, а то и в четыре уровня комнаты. Ровно улья! Нашел Скуратов знакома, вояку отставного, что за Расею воевал когда-то, встали на постой. Живем из милости, денег ни гроша. Вот как-то вечером заявляется к нашему австрияку пучеглазый господин, очень важный и пасмурный. И стал часто наведы-

ваться. Меня к разговору не допускали. А ротмистр с хозяином не расставался, – кутили, белопшивеек к себе привозили, бесились цельными ночами.

– Долго ты подъезжаешь, – шутливо заметил сотник. – Так и до потемок не успеешь. Рассказывай по-военному: вот экспозиция, построение, а вот – результат.

– Не обучен я тому. Да и конец близок... Открылся вскорости мне ротмистр, что пучеглазый – богатейный ростовщик. Год тому путешествовал он с женой и дочкой по Греции. И попал в лапы османов. Ну, стал-быть, мощну его они вытрясли под чистую. Опричь того и дочку писаной красы умыкнули без следа и возврата. От тоски женка его душу богу отдала, а ростовщик малость в уме повредился. Посчитал, бедолага, дочку за покойницу. Как вдруг на днях получил от нее весточку. Прочел он бумажку и неимоверно обрадовался. Находилась дочь в гареме султана, куды ее разбойники продали. Вот он и обратился к своему дружку, чтоб помог вызволить ее отсюда...

Стая скворцов шумно осыпала верхушки деревьев. Плёткин повернул голову, помолчал и со вздохом продолжил:

– Нанял ростовщик нас на поимку дочери. Австрияк ее знал еще с детских лет. А мы с ротмистром, по уговору, должны были пленницу из гарема увести. За это пообещал нам папаша дюже щедрый куш. Я, дурень, и рад стараться!

Чудок погоды изготовили нам поддельные пачпорта. Австрияк и ротмистр сошли за продавцов сыра, а меня определили при них охранником глухонемым. Дескать, сопи в две дырки и делай то, что прикажут. Сели мы в повозку крытую, навроде кареты, и тронулись в главный оплот турок, Истамбул. А он, стал-быть, на морском берегу! Огромнейший город! Почти весь каменный. Улицы узкие, путаные. А над всеми домами возвышается неподобной высоты магометанский храм, то есть мечеть, с минаретами, откеда призывают верующих к молитвам.

Подкупили мы двух турок, под видом торговцев явились к дворцу султана. Ваше благородие, он бо́льшины невиданной! Должно, на версту тянется вдоль побережья. А в этом непомерном здании комнат не счесть, а еще и другие постройки. И слуг тысячи, и наложниц султана. Не сераль, как турки прозывают, а город вроде нашего Черкаска!

Стали мои господа обнюхиваться с турками, с хозяевами гамазеев²⁶ неподалеку от гарема, куды наложницы под охраной за покупками ходят. Рядили-судили, наметили, как проникнуть в гарем. Приказал мне ротмистр усы сбрить. Я ни в какую! Заради чего поганиться? Долго упорствовал, но подчинился.

Приезжаем с обозом дров ко дворцу. Вокруг забор каменный, впору крепостной стене. Янычары с шашками да секирами у каждой двери, глаз не спускают. Подкупленный обозник подтвердил, что мы – баттаджи, то есть заготовщики дров для гаремских бань. В плане нашем было разыскать в гареме Эльзу, дочку ростовщика. Условиться и помочь ей дать дёру! А как зашли, заставили нас переодеться. Порядки там дюже строгие! Каждому выдали кафтаны с воротниками выше головы, чтобы не пялились по сторонам, а смотрели только прямо. Взяли мы на плечи вязанки дров и цепочкой, один за другим, двинулись за евнухом. Сто коридоров и поворотов минули, пока добрались. Женщин, честно сказать, мало приметили. Все они были с закрытыми лицами, и не имеют права с баттаджи в разговоры вступать.

На другой раз, когда опять привезли дрова, приметили уже больше. Австрияк, какой знал Эльзу, сбег от евнуха и стал обходить палаты, обитательниц разглядывать.

Так вот полмесяца ездили, платили обознику пиастры. А проку нет. И решились на последнюю хитрость! Оповестить австрийку через главную банщицу, кальфу. Встрелся ротмистр с ней в гамазее, где женскую одежду продают. Что говорил мой командир, не ведаю. Только выкрадать австрийку выпало на мою долю!

---

²⁶ Гамазей (устар.) – магазин.

– Чтоб не рисковать, решили тебя направить, – отозвался Ремезов, ежась от ветерка и предвечерней понизовой прохлады. Солнце клонилось к закату. Пора было готовиться в дорогу. И, торопя казака, спросил:

– Удалось освободить?

– В условленный день переоделся я как баттаджи, взвалил дрова на плечи и понес в баню. Заговорщица наша, кальфа, припасла шаровары, кафтан красный и феску с кисточкой – форму, в какой евнухи ходят. Я в него еле опугался.²⁷ А кафтан мой Эльза надела, голову папашой прикрыла, на самые глаза насунула. Охранников кальфа отвлекла, а девка на улицу улизнала, где Скуратов с дружкой поджидали на коляске. Стал-быть, они в своем антересе. А я в бане евнухом остался. И вот старшая во всем гареме баба приводит наложниц на купание... Эх, такой красоты, ваше благородие, забыть невозможно! Самые пригожие со всего белого света...

– Как же ты, Иван выбрался?

Плеткин доверительно улыбнулся.

– Да наутро передали мне одежду заготовщика. Бог миловал, охранники не задержали. Только господ своих больше я не узрел! Бросили. Осталось одно: плыть в Крымское ханство. Выдал себя за казака-некрасовца. Люд там разный, сбродный. А через Керчь на нашу сторонку прокрался мимо кордона татарского, так и до Азова дошел...

Ремезов думал уже о ночном переходе. Лошади отдохнули. За солнечный день подсохла, отвердела на ветру земля. И надо гнать лошадей, спешить, чтобы предупредить своих. На бога надейся, а сам, казак, не плошай...

11

Полки Платова и Ларионова, следуя в соседстве с ногайскими кочевьями, в последний день марта достигли тракта, ведущего из России на Кавказ. Дальнейшее передвижение ногайцев-едисан стало невозможным, ввиду мощного разлива Большого Егорлыка. Севернее путь преградила не менее полноводная река Калалы. Ко всему, глава едисан Джан-Мамбет повелел соплеменникам основной массой переместиться верст на двадцать пять западнее. А сам задержался в прибрежной полосе Егорлыка, дожидаясь Бухвостова, направляющегося сюда со своим отрядом. Ногайцы ждали от русских крайне необходимой помощи – обоза с мукой и зерном. И он, как было обещано, прибыл под охраной казаков. Однако команду на передачу провианта должен был дать именно подполковник Бухвостов, уполномоченный Стремоуховым решать хозяйственные вопросы.

Первые дни апреля выдались на редкость жаркими. Казачьи полки, расположенные вдоль обрывистого берега Егорлыка, приводили в порядок амуницию, седла, вычесывали зимнюю шерсть у лошадей. Платов лично осматривал, как содержатся ружья, свежи ли и прочны на них кремневые запальцы и курки, проверял шашки и заточку пик. Служилые казаки с почтительными улыбками наблюдали за командиром. Уж кому как ни им ведомо, что жизнь и смерть на лезвиях шашек да на кончиках пик – выручат в бою, коли остры!

Прибрежные вербы сплошь невестились, стояли в пушистых серо-зеленых сережках. А заросли алычи цвели так густо, что издали казались белеными стенками хат. Ветерком доносило от них медвяню. И от входящей в силу весны, от красоты вокруг радостно было донцам, ходившим, с разрешения командиров, голыми до пояса. А после полудня, когда выдался вольный часок, казаки амором спустились к прозрачному мелководью.

Напрочь растелешенные, они с диким гоготом вбегали в реку, радужно взметывая брызги, и бросались с закрытыми глазами в зеленоватую светлынь. Раза три окунались и, как угорелые, вылетали на прибрежную луговину. Под солнечными лучами зеркально отли-

---

²⁷ Опугаться (донск.) – походить на пугало, одеваться во что попало.

вали мокрые мускулистые тела, поросшие густой волосней. Озоруя и дурачась, не преминули молодцы сравниться в мужских достоинствах. Кое-кто из молодых кинулся на пырейном ковре бороться. А иные, несмотря на то, что вода еще не прогрелась, обшаривали руками коряги и глинистый опечек. Мастера-рукодельники из верболозника сплели днем два вентеря и поставили в камышах. Когда же проверили на закате, – от удивления разинули рты! Они набиты были плотвой и коропами²⁸, да еще попало несколько щук. Улова хватило для всех котлов!

Вечером полковников пригласил в свой шатер Джан-Мамбет-бей. Кочевые аулы стояли в полуверсте от казачьего стана, и командиры вдвоем, без охранников прискакали к главе едисан. Их встретили нукеры, с поклонами препроводили к хозяину.

Джан-Мамбет, пожилой человек, с трудом переставляя гнутые короткие ноги в меховых сапогах, улыбаясь, пожал гостям руки и жестом пригласил садиться на подушки. Платов сразу ощутил некую скованность хозяина.

– Солнце большое – хорошо, – улыбаясь и щуря узкие свои глаза, с акцентом заговорил Джан-Мамбет. – Река – хорошо. Казаки солнце лубят, ногаи солнце лубят. Хорошо!

Гости одобрительно кивнули, исподволь наблюдая, как старшая жена бея разливает в пиалки ароматный калмыцкий чай. И пока продолжался разговор за чаепитием, она принесла глиняные тарелки и широкий горшок с ароматной бараниной, сваренной в верблюжьем молоке с тмином и арабским перцем. И еще раз окинув взглядом застолье, незаметно выскользнула из шатра.

Джан-Мамбет привлек для беседы толмача, серьезного молодого человека, в бешмете и чалме, похоже, муллу. Он также говорил с акцентом, но в словах не путался. Глава едисанской орды напомнил, как переманивал его калга Шабаз-Гирей, а он отказался. До скончания века будет признателен российской государыне за то, что не препятствовала переселению из Бессарабии на правобережье Кубани его сородичей. Затем воздал хвалу Аллаху за то, что помогает отряду Бухвостова побеждать крымчаков. Ларионов ответил дипломатично, что воля государыни всегда совпадает с желаниями ее подданных, в числе которых все хотят видеть и ногайцев.

Вероятно, именно этого и ожидал мудрый старец. Он тут же потребовал, чтобы полковники донесли ейскому приставу Стремоухову, что едисаны крайне страдают от нехватки пищи и денег, что в аулах много больных. Но, в первую очередь, они должны сообщить начальству, что здешняя местность, открытая ветрам, не пригодна для постоянного проживания. И они возвращаются ближе к морю и горам.

– На то не наша воля, – возразил Платов. – Как прикажет матушка-царица.

Все просьбы были изложены на листе бумаги, который передал толмач. Гости пообещали вручить петицию Бухвостову, когда встретятся с ним.

Возвращаясь обратно, полковники сошлись в разговоре к одному мнению.

– Что-то крутит бей, – усмехнулся Платов. – Слишком много требует!

– И даже не обмолвился, что крымчаки напади на аул Керим-Бека, вырезали верных нам людей.

Освещающая ночь, пылали полковые костры. Воздух посвежел, потянуло с Егорлыка зябкой сыростью. Казачьи командиры разъехались. Матвей Иванович спешил к своей палатке, передал коня Кошкину, через дверной проем вошел в походное жилище. Последовавший за ним ординарец зажег свечу и поставил ее в маленький шандалик. Платов снял мундир и надел меховую куртку, подаренную отцом при их встрече под Перекопом.

Вспомнился и он, и трое родных братьев. Слава про батюшку, Ивана Федоровича, полкового командира, далеко разлетелась. Сама царица за доблесть наградила его весьма дорогой саблей! Где он теперь? То ли на Дунае, то ли в Польше... С детства отец был для Матвея наставником. И сабли, и пистолеты, и пику он опробовал еще ребенком, беря их в руки,

---

²⁸ Короп (южн.) – разновидность карася.

точно любимые игрушки. А вот в скачках превзошел самого отца! С отрочества был проворен, сметлив и увертлив, а среди разудалой черкасни считался драчуном. За это неоднократно был порот и наказан трудом. Сейчас об этом Матвей вспоминал с улыбкой...

Едва казачий полковник раскинул постель, застланную овечьими шкурами, и при горящей свече помолился пред иконкой, поставленной на вещевой сундук, как позволения войти испросил ординарец. Хотелось спать, и Платов с трудом сдержал себя:

– Чего тебе?

– Господин полковник, тут до вас добиваются три старых казака из сотни Полухина. Дюже волнуются!

– Впусти.

Трое немолодых станичников, в чекменях старого покроя, со снятыми папахами в руках тут же втиснулись в тесную палатку. Перекрестились, заметив образок Спасителя.

– Что не спится? Об чем просите? – настороженно бросил Платов, оглядывая бородачей. Похоже, они были из староверов. – Что за томаха?

– Извиняйте, душа-командир, но просим нас выслушать, – начал красивый чернобровый казачина. – Дюже тревога одолевает, никак неприятель подкрадается. Птицы вещают!

Платов с недоумением уточнил:

– Какие такие птицы?

– Галки да вороны. Ночной грай завели! Оттеда, где балки в степу, ажник досюда слышать! А почему? Люди всполошили! Вот и поднялись.

– Там ногаи кочуют. Должно, и спугнули.

– Господин полковник! – поддержал односума другой казак, с разбойничьим лицом и сипловато резким голосом. – Мы с малолетства косяки табунные пасли. И где они есть, где их топ, по слуху узнавали, по земельному гулу. Припадешь ухом к земельке – она и подскажет. Вот и зараз гудит она, гудит!

Платов накинул бурку и шагнул к выходу.

Апрельская полночь была свежа, напоена пресным духом глины, запахом цветущей алычи. Искристо мерцали звездочки. И в дремотной мгле, как будто не было ни звука. Платов, выбрав сухое место возле палатки, стал на колени, затем припал ухом к земле. Казаки и ординарец стояли позади. Наконец, Матвей Иванович пружинисто встал.

– Навроде скрип какой. А гула никакого нет... Спать! Утро вечера мудренее.

– Мы выспамшись, – бодро отвечивал чернобровый. – Теперича и покараулить можно!

– Караульте! – приказал Платов, а ординарцу велел через командиров сотен выслать дополнительные дозоры.

Уснул Матвей Иванович в одну минуту, точно уплыл в ласковую темную бездну...

И привиделся ему престранный сон: будто идет он вдоль Дона летним утречком, спешит на свидание к любушке-молодашке. Вода в реке ясная, на голубой глади, точно как в небе, белобокие облака отражаются. И слышится песня славная, задумчивая. И хочется ему узнать, кто ее поет? Но куда ни посмотрит, – никого нет. Вдруг навстречу идет по тропе чернец с палкой. Приближается, поднимает голову и – страх пронизал Матвея! – пред ним колдун с горящими глазами. Узнает в нем Матвей одного из ногайских мурз, какого встречал за Кубанью. «Что ты делаешь в Черкасском городке, – с недоумением спрашивает он. – По какой такой нужде прибыл?» Колдун осклабился недобро: «Аль ты не признал меня? Я же Емельян Пугач, донской казак». – «Не видывал я тебя ни разу, потому знать не могу? Так это ты, супостат, безвинный люд губишь и разор учиняешь?» Колдун стал вдруг невысоким, стриженным под «горшок» мужичонкой. И дико захохотал! Задрожала земля, деревья закачались, и тьмой покрылось небо! От неожиданности замер Матвей. Страшный вихрь налетел с южной стороны, повалил лес, и открылась степная даль. А по ней – скачущий дикий табун. Ворона эта туча стелилась по земле, мчалась прямо на него. Огнем охватило душу Матвея. Наперекор всему

ринулся он вперед. Вот уже рядом косяк, уже видно, как злобно раздуваются ноздри вороных! И в ту минуту раздался с небес твердый голос: «Не бойся. Я с тобой!» И ударил сверху золотой луч, и обозначил полосу, защитившую Матвея. С остервенением промчались дикие кони мимо, не причинив ему вреда...

И вновь на тропе возник чернец. В глазах его, расширенных от гнева, было еще больше ожесточения. «А! Ты еще жив, собака! Ну, обожди...» И на равнине под грозовыми тучами, на этот раз с западной стороны, вдруг возникла невиданных размеров саранча. Всего удивительней было, что на ней зеленели мундиры, а головки покрывали треугольные шапки. Что за невидаль? Гигантские кузнецы, гудя, скакали по земле, оставляя за собой черную безжизненную гладь. Тут уж не сдержался Матвей, подхватил с земли вербную орясину и давай молотить ею налево и направо, сокрушая саранчу, издающую картавые звуки вроде французской речи. Много положил вокруг себя донец этой крылатой твари в мундирчиках, и не покидал его азарт, да вдруг снова задрожала земля, и предстал перед ним этот колдун огромным чудищем о трех головах. «Никак Змей-Горыныч!» – догадался Матвей. Лютый оборотень бросился на него, грозя с трех сторон, но оглоушенный казачьей дубиной попятился, сник...

Платов проснулся мгновенно, услышав тревожные голоса вблизи палатки. Кто-то убеждал караульного пропустить его к полковнику. Не остывший ото сна, с тяжелой головой, Матвей Иванович быстро надел короткие кавалерийские сапоги и вышел наружу. Еще была ночь, дымили костры. А в руках лохматого, с окладистой бородой казака горел небольшой факел. Платов узнал одного из урядников, а рядом с ним – Ремезова.

– Ты?! При здравии? – обрадовался командир, хлопнув сотника по плечу. – Что за сполох?

– Господин полковник, – взволнованно заговорил Леонтий, показывая рукой. – Татары за холмом! Неисчислимо... Мы всю ночь с казаком коней гнали, чтобы поспеть... А тут наскочили на вражеский кордон, еле спаслись.

– Что за воинство? Конница? Пехота? Мортиры есть?

– Так точно! – и Ремезов подробно стал докладывать всё, что сумел рассмотреть и запомнить.

Платов мрачнел, слушая сотника. Между тем весть, что рядом неприятель, быстро разнеслась по обоим полкам. Казаки поднялись. Ждали приказов командиров.

– Срочно пригласи Ларионова ко мне, – приказал Платов ординарцу, энергично застегивая мундир и ежась от холода. – И всех командиров полка к моей палатке!

Спустя несколько минут прискакали дозорные и донесли, что неприятель охватывает казачий лагерь с запада, отрезая отход. Следом новость еще тревожней – татары подступают с севера. С трех сторон пути к отступлению казачьих полков отрезаны. Только с востока неприступен для неприятеля крутой берег реки.

Ларионов и Платов уединились в палатке, оставив офицеров дожидаться распоряжений. Раздумывать было некогда. Платов, глядя в глаза побледневшему приятелю, прямо сказал:

– Ну что, Степан? Прозевали врага! Обдурил нас Девлетка!

– Без едисан он не смог бы обложить. Они ему донесли!

– Будем бой принимать. Обороняться, пока не подойдет Бухвостов. Да и у Мамбета сотни три конницы.

– Может, татар не так много, как показалось твоему сотнику?

– Скоро увидим. А пока давай рыть окопы и вал насыпать, а фуры с зерном и мукой заградой ставить. Навроде – «гуляй-города». Всех лошадей впрячь в телеги и окружить ими наши позиции.

– Тогда давай вагенбург²⁹ сей ставить ближе к берегу. Оттуда они не подступятся. Да вперед выдвигать единорог, чтоб картечью бил. Жаль, пушка одна, – посетовал Ларионов и, вздохнув, первым вышел к сосредоточенно умолкнувшим офицерам.

Рассвело. И казакам, строящим из телег и фур оборонительный редут, открылись степные дали. А на расстоянии двух вёрст – турецко-татарское воинство, неоглядная стена всадников, пестреющая одеждами и флагами. Они располагались на длинном косогоре, с южной стороны. Издалека доносились гортанные возгласы и ржание лошадей. Построение неприятеля тянулось и западнее, на взгорье, подковой охватывая лагерь казаков и становище едисан.

Полки готовились к бою. Казаки, понимая, что смертынька рядом, поглядывали на урядников и сотников в надежде: есть ли выход? Те – на есаулов, выполняющих приказы полковников. А Платов и Ларионов? Оба были хладнокровны, в приказах требовательны и точны; чаще, чем обычно, пошучивали. Лица – мужественны и спокойны. Самообладание и боевой дух командиров передались, как по цепочке, в обратном направлении! И это перед сражением сплотило ратников одной, стальной волей...

Наконец, сев на коня, Платов взял подзорную трубу. Долго и пристально озирает окрестность. Тем временем неприятель стал медленно приближаться. Платов опустил диковинное заморское приспособление и кликнул добровольцев-казаков. Одного, рослого, он не знал, а вторым оказался Иван Плёткин.

– Вот что, братцы! – строго обратился полковник. – Сейчас я вышлю вперед небольшой сикурс³⁰, чтобы отвлечь турок. А вы возьмите самых резвых лошадей, от моего имени, и гоните их на запад, к отряду Бухвостова. Расскажите, что мы в осаде. Дескать, Платов и Ларионов просят подмоги! Правьте по балке, чтобы от стрел укрыться. Доскочите, ребяташки, – нас выручите!

12

Всю ночь Девлет-Гирей, стоя коленями на мягком коврикe, молился, просил Аллаха разгромить неверных. Рядом с ним молился и брат Шабаз-Гирей, обуреваемый жадой мести за то, что русские дважды рассеивали его отряды.

Перед зарей хан вышел из шатра, чуть покачиваясь от усталости, но в отличном настроении. Ему подали чистокровного араба, жеребца светло-гнедой масти, отменной стати и выносливости. Конь был обьежен нукерами, но быстро привык к своему хозяину и повиновался ему, точно читал мысли.

Великого правителя встретили собравшиеся командиры, – татарские и ногайские мурзы, горские беи, турецкие офицеры и атаман казаков-некрасовцев, недавно премкнувших. Знать, вновь захотели по родному Дону погулять, душеньки отвести.

– Аллах акбар! – дружно встретили Девлет-Гирея подчиненные, он ответил и преклонил в знак глубокого уважения голову. Араб испуганно попятился, когда ветром отнесло от древка шелковое зеленое знамя. Но хозяин удержал его уздой.

Подъехавший на вороном длинногривом трехлетке брат остановился перед строем и громко произнес:

– Великий владыка Крыма! Все воины готовы сражаться и умереть во славу ханства!

– Аллах акбар! – вновь подхватили приветствие соратники.

Солнце светило уже в полный накал. Длинные утренние тени стелились по зеленеющей земле. Девлет-Гирей ощутил вдруг сладкий щекочущий комок в горле, остро осознав, что сбывается мечта, волнующая с детства. Он начинает завоевывать мир! И с этой победы над каза-

---

²⁹ Вагенбург (устар.) – полевое укрепление.

³⁰ Сикурс (устар.) – отряд.

чьим войском откроет себе дорогу в Россию, в Европу... Вспомнились подвиги Александра Великого, Тамерлана... Аллах воздавал им за храбрость и великодушие. Важней не убить врага, а сломить его волю...

– Я дам русским шанс! – властно воскликнул Девлет-Гирей, поворачивая голову в сторону военачальников. – У них превратное мнение о нас, якобы безжалостных людях. Выслать парламентаров! Я отведу неверным на размышление полчаса!

Трое всадников с высоко поднятой на пике белой папахой отделились от татарского войска и прищипорили коней. Из казачьего лагеря их заметили и сообщили полковникам. Навстречу были посланы есаул Кравцов и Леонтий Ремезов.

Ханские парламентары придержали скакунов, старший из них мурза Аслан-Гирей поднял вверх руку, привлекая внимание. Донцы остановились саженьх в пяти.

– По велению великого хана Девлет-Гирея, предлагаем вам добровольно сложить оружие. Хану известно, что перед ним казаки, доблестные воины. Он требует полного подчинения и приглашает перейти под его подданство. За это он щедро отблагодарит. Через полчаса ждем ответа!

– Ответ готов! – выкрикнул Кравцов. – По долгу присяги, данной матушке императрице, мы не принимаем ваши требования. Умрем за веру православную, но знамен своих перед вами, басурманами, не преклоним!

Парламентары разъехались.

Ремезов горячил лошадь, припав к гриве. И недаром! Не успел домчаться до лагеря, как над головой прошумели две стрелы, пущенные вдогонку. Он спешился и передал повод казаку, который отогнал гнедую в тыл вагенбурга. Тягловые лошади оставались в упряге, в своих фурах, живым щитом закрывая оборонительный редут. Все они были стреножены, чтобы в огне боя не разметать укрепления. Ездовые старались не смотреть на них, обреченных, с вопрошающе печальными глазами...

Платов, который с согласия сослуживца, Ларионова, взял командование на себя, тотчас выслал вперед передовой отряд, чтобы прикрыть гонцов, направленных к Бухвостову.

Завидев верхоконных казаков, навстречу им бросилась ватага горцев. В руках их отсверкивал булат черкесских сабель. Подпустив джигитов довольно близко, казаки, как было условлено, резко повернули лошадей назад. Охваченные азартом, храбрецы продолжили погоню. Но у рва, вырытого вокруг «гуляй-города», казаки по свисту рассыпались на две стороны, а ханцев в упор подметил мощный залп ружей!

За происходящим на поле боя следили с обеих сторон. И двух скачущих казаков, как будто отவில்нувших от отряда, крымчаки заметили запоздало. Тотчас им наперерез бросились лучники. Стрелы прочертили воздух. Плёткин бросил лошадь в сторону и, увернувшись, скрылся в глубине прибрежного оврага. А напарник его, уронив повод, стал безжизненно заваливаться набок...

Платов еще раз обошел, проверяя, этот четырехугольный кут затравевшей целины, огороженной земляным валом, фурами, телегами с кулями зерна и муки. Подседланные лошади держались в укрытии со стороны берега. Полки находились на позициях и были готовы к бою. Ружейники, как и положено, рассредоточились впереди, рядом с ними – заряжающие. Ящики с пулями и порохом тщательно проверены и хранятся поблизости. Артиллеристы позади. Единорог грозно устремлен на подступающее полчище...

Донцы ждали напутствия командира.

– Братцы мои дорогие! – громко обратился Платов к односумам, поднявшимся в полной рост. – Покажем крымскому хану и туркам, кто мы есть такие, донские казаки! Не пустим их на нашу родную землю, на Дон вольный! Знайте и помните, что деремся в честном бою за край наших отцов, за веру православную да за матушку-царицу! Постоим друг за друга, за

великое Российское Отечество! А коли кто голову сложит, так нехай господь в рай заберет... Не посрамим чести казачьей, ребята, добудем победу!

Ремезов ощутил, как повлажнели глаза. Волнительно стало на душе. И окружающий мир будто увидел он по-новому, с небывалой остротой ощутил радость существования, что светит солнце, цветут деревья, сладкоголосо выщелкивают пичуги. И вспомнилось, что на родном Дону ждет его матушка. Но прошло всего несколько минут – и в ожидании боя душа исподволь выстудилась.

«Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверным людям на сопротивления дарую, и Твое сохраняя крестом Твоим жительство», – прошептал молитву Леонтий, прося у Бога помощи себе и однополчанам.

Когда неисчислимое ханское полчище, взвив стяги и разноцветные ритуальные флажки, всколыхнулось и двинулось на «казачий городок», именуемым ретраншементом³¹, стрелки на часах Платова показывали ровно восемь утра...

13

Ударил, загрохотал большой турецкий барабан.

Замерла степь и – сердца казаков! Точно загремел гром среди ясного неба. А гром на голые деревья, по верной примете, – к беде.

Леонтий получил приказ со своей полусотней держать оборону на левом фланге, в прибрежной полосе. Рядом был урядник Рящин, проверенные в баталиях казаки: чубатый Корнилов, верткий, как юла, Сидорин, крепкоплечий Яровой, здоровила Мисютин, весельчак и забурдыка, рыжечубый Пахарин, строгий богомол Белошекин, отчаюга с голубыми глазами Серафим Акимов. Все служили не первый год, грелись у одного костра и понимали друг друга с полуслова. Леонтий, после школы церковной служивший в атаманской канцелярии писарем, в детстве не раз дрался с непоседой Мотькой Платовым. И когда попал в полк Колпакова, не ведал, что вскоре новым командиром станет тот самый черкасский сорвиголова. Платов, паче чаяния, после боев с турками, увидев, как рубился давний знакомец, произвел его в урядники, а вскоре и в сотники. Видимо, полагал Матвей Иванович, что первое качество казачьего офицера – смелость. И как время показало, в Ремезове не ошибся...

По команде калги первыми выдвинулись роты янычар, приплывшие с Девлет-Гиреем из Туретчины. Штурмовать казачий бастион вместе с ними вызвался горский бей и едичкульский мурза. Строй атакующих удвоился: стрелки-ружейники, лучники, сабельники. Калга предупредил, чтобы у всех были кинжалы, ибо рукопашной с казаками не избежать.

Платов неотрывно смотрел в подзорную трубу, изучая, как вооружены крымчаки. Ларионов, обходя ретраншемент, подбадривал казаков.

Янычары, шагающие изломанной шеренгой под мерный грохот барабана и подвывание зурны, надвигались. Саженьях в ста от бастиона по рядам турок пронесся дикий рев, возгласы. Они, разжигая в своих душах воинственность, побежали толпой, сверкая поднятыми ятаганами, ошетилив пики, держа наизготовку узкоствольные пистолеты. Сзади их расчетливо догнали на лошадях лучники и осыпали казачьи позиции стрелами.

– Изготовиться! – зычно скомандовал Платов, подпуская врага на верный выстрел. – Пли!

Бабахнула пушка, кося картечью атакующих османов. Хором прогремели казачьи ружья и пистолы. Но порыв крымчаков не ослаб, – перепрыгивая через убитых и раненых, тысячная рать бросилась на укрепление донцов. Но добраться до них оказалось непросто! Стрелы вязли в кулях с зерном, пистолеты не достреливали или били мимо, перелезая через огромные телеги, фуры также было опасно, – казаки подстреливали таких храбрецов в упор.

---

³¹ Ретраншемент – укрепление позади главной позиции.

Первый приступ, слаженный и безоглядный, усиливался с каждой минутой. Калга, не жалея себя, был рядом с атакующими, гнал их вперед, воодушевлял священными словами. Уже с трех сторон был обложен непокорный редут, и слышался нескончаемый лязг шашек, частые выстрелы, вопли раненых. И все это мешалось с одичалым ржанием лошадей, погибающих равно с воинами.

Платов и Ларионов, с шашками в руках, перемещались по вагенбургу, помогали казакам отбиваться. Отчаянные рубаки выступали вперед поочередно, партиями. Точно в поле пахали, воевали без надрыва, впустую не стреляя и не растрачивая сил. Каждому из них было понятно, что осада предстоит долгая. И вряд ли удастся выжить...

Ремезов чувствовал, как колотится сердце, как охватывает холодком душу, когда бросался в передние ряды с обнаженным клинком. Его казаки орудовали пиками, сражали замешкавшихся врагов, отбрасывали вспять. Турки набегали волнами, держа ружья у плеч, наскоро палили и ретировались. На отдалении заряжали и снова давали залп. К счастью для платовцев, запас пороха у крымчаков был ограничен. Они стреляли из коротких крымских и кубачинских пистолетов по одному разу, а затем совали их за пояс и брались за сабли.

Шабаз-Гирей, оставив коня, бил из своего дорогого бахчисарайского ружья, оправленного в серебро под чернью и с золотой насечкой на замке. Калга читал надпись на стволе, сделанную мастером, «Ма ша-а Аллах!»³² И захваченный горячкой боя, он торопил заряжающего, призывал не щадить неверных!

Янычары и едичкульцы, понеся огромные потери, откатились.

Наблюдавший издали Девлет-Гирей послал за братом.

– Ежа голой рукой не возьмешь, – с укоризной произнес хан и помолчал, услышав оживление нукеров и приближенных. – Надо у него вырвать иголки. Пошли, Шабаз, татарских воинов на штурм презренного укрепления! Пусть покажут, как умеют воевать!

Второй приступ начали крымчаки, у которых огнестрельного оружия – пищалей, сайдаков и крымских ружей с раструбами – было значительно больше. Но и этот штурм успеха не принес.

Не давая урусам передышки, хан потребовал новой атаки. Конные лучники, защищенные кольчугами и щитами, и всадники закубанцев ударили совместно. Казаки отвечали выстрелами единорога и ружейными залпами. Чередуя пальбу (пока забивали заряды) с рукопашной, им удавалось сбивать наступательный пыл неприятеля.

Леонтий получил пулевое касательное ранение в левое плечо, но с пропитавшейся кровью повязкой не покидал сражения. Над вагенбургом висел туманец из порохового дыма и мучнистой пыли. Лица донцов были точно бы напудренные, волосы – в прядках седины. Громко и резко раздавались команды. Казаки на пределе физических сил сдерживали напор обезумевших янычар, пиками доставали ближних, пулями – дальних. А тех, кто прорывался вовнутрь ретраншемента, брали в шашки. Не смолкали стоны и горестные вскрики, ярилась пальба, тархтели большие и маленькие барабаны, – и сеятели смерти сызнова бросались на казачью чудо-крепость...

Платов, с возбужденно округлившимися глазами, всклокоченный, охрип, давая распоряжения и приказы. Осада длилась непрерывно уже пятый час. Убитых было семеро, раненых – две дюжины. Сердцем уловил Матвей Иванович, что подчиненные стали менее расторопны, что смертельное напряжение и усталость надламывают их дух. Он понимал, как и все, что вырваться из окружения невозможно. У него с Ларионовым была неполная тысяча, а у Девлет-Гирея не менее двадцати тысяч воинов. В двадцать раз больше! Сколько они еще смогут в вагенбурге продержаться? Денек или два? А басурмане, почуяв добычу, отсюда никуда

---

³² Так угодно Богу! (араб.)

не уйдут. Будут осаждать до победы. «Поляжем здесь все, а сдаваться не станем. Жизнь свою на поруганье не дадим», – поджигало его непреходящее желание кинуться в бой, в сабельной конной атаке отогнать чужеземцев.

– Господин полковник, на правом фланге через вал турки лезут! – скороговоркой доложил урядник-крепыш, с запекшейся на лице раной. – Меж фурами прут!

Платов бросился на край вагенбурга, где сотня Полухина сдерживала натиск татар. Шла отчаянная сеча. От скрещенных сабель отпархивали синеватые искры.

– Не робей, братцы! – кричал Платов, протискиваясь вперед, держа в вытянутой руке над головой легкую персидскую саблю. – Угостим гостей от всей души!

– Да уж без горячей похлебки не отпустим! – звонко отозвался ожесточенный голос.

– Добавки дадим! – подхватил другой казак, пробираясь между телег.

– Круши османов! Вперед, за державу и матушку государыню! – еще громче призвал Платов и с молодой запальчивостью побежал за казаком к земляному валу.

Перед ним широкой полосой грудились мертвые лошади и погибшие ханцы. Пестрели среди степи короткие цветные куртки янычар, черкески горцев. Оттуда, где лежали поверженные джигиты, доносились стоны. Но их не слышали соплеменники, в седьмой раз посланные ханом на штурм! Напролом ломились мурзы со своими отрядами, вступая врукопашную. Закубанские салтаны, являя перед Девлет-Гиреем отвагу, повели в бой конницу. Но не перебраться ей через новое препятствие – трупы лошадей, людские тела. Непредвиденно возникла выгодная для донцов преграда! Покружили, погарцевали салтаны возле вагенбурга, с потерями усаkali обратно.

Все гуще стлался над степью пороховой дым, все сильнее пахло лошадьми, гарью и терпкой, обильно пролитой кровью. Донельзя устали и атакующие. Доведенный до гнева неудачей своих военачальников, Девлет-Гирей готовился лично командовать восьмым приступом. И собрал на экстренный совет командиров, чтобы уточнить план. А закубанскую конницу вновь направил к редуту издали дразнить казаков...

14

Точно успокоившийся на короткое время пчелиный рой, стих вагенбург. Тысяча казаков – на тесном клочке земли. Среди них более полусотни раненых, немало убитых. Отодвинулись назад, копя мощь, крымчаки. Лишь в эти минуты окружили донцы бочонки с водой, – прежде некогда было напиться. Молча сели на землю, обессилено опустив руки с саблями и ружьями. Но выпустить оружие – не решались. Оно точно приросло к ним!

Платов присел на край телеги, закурил трубочку. Тут же подошел Степан Ларионов, держа на перевязи поврежденную при рубке руку. И своего, и платовского ординарца отослал, чтоб поговорить наедине.

– Слушай, Матвей, сила силу ломит. Жалко казаков!

– Гм, на то и война. Казак на службе тянет лямку, покуда не выроют ямку.

– Меня ты знаешь, я смерти не боюсь. А казаков надобно сберечь. Давай направим к хану послов. Начнем переговоры. А тем временем, может, подойдет Бухвостов.

– Переговоры об чем? – сурово взглянул Платов. – О милости турецкой? Али на службу к Девлетке?!

– Не кричи и не горячись. Я старше на десяток лет. Надобно тянуть время! Ты же знаешь, что пороху на день, от силы на два осталось. Да и ядер кот наплакал. Казаки до смерти устали...

– Нет, мил-друг Степан. Сами виноваты, что в ловушке. И казаками прикрываться нечего. С командиров спрос! Будем биться! И Бога молить, чтоб чудо явил! Сдаваться я не соглашусь. И клятва казацкая – жизни дороже. Ты, Степушка, не робей. Сразу, двумя полками, коли Господь призовет, на тот свет явимся. В рай попадем. Песни там заиграем!

Невеселая шутка вызвала у Ларионова вздох.

– Лучше давай еще землю потопчем да родине послужим... Я разговор, Матвей Иванович, завел только ради тебя. А коли одно у нас мнение, – значит, будем баталию продолжать.

Платов пригладил рукой густые, жесткие от пыли и муки волосы. Не высок, но ладен, крепко сшит. Попыхивая трубкой, он стал обходить сотни, отпуская остроты, подбадривать приунывших, благодарить отличившихся. Среди них оказался и Ремезов.

– Видел, видел, как ты со своими усачами полосовал османов! – похвалил полковник, замечая на плече сотника повязку. – Ранен?

– Царапина, Матвей Иванович.

– К награде представлю.

Платов испытующе посмотрел ему в глаза. В этот момент на правом фланге поднялся непонятный переполох. Катились по рядам радостные возгласы. Платов и подошедший к нему Ларионов переглянулись. К ним мчался растелешенный до пояса, но в заломленной шапке на голове, урядник Кислов.

– Матвей Иванович! Пыль на бугре. Никак уваровцы!

Полковники поспешили за ним, еще не веря в эту желанную новость. Ординарец растопно подал Ларионову «перспективную» трубу. И тотчас полковник выкрикнул:

– Уваров! Аким со своим полком! В лаву строятся...

Появление казачьей конницы, вынырнувшей из балки, застало крымчаков врасплох. Командование их совещалось. Закубанцы джигитовали на глазах осажденных. Отряды горцев и ногайцев отдыхали.

Развернутым строем, на полном скаку уваровцы с тылу врезались в татарское войско. И то, что так влекло Платова в час приступа, пора было предпринять. Сверх того, именно этого и требовала возникшая вдруг, благоприятная ситуация.

– На-конь! – возбужденно торопил казаков полковник, глядя в сторону берега, где укрывались лошади. – Всех в бой!

Уцелело их меньше половины, около четырехсот голов. И все были задействованы в вылазке, возглавляемой самим Платовым. Казаки лавой обтекли закубанцев, отчаянно вступили в бой. Иноверцы под их напором дрогнули, не ожидая такого сокрушительного удара. Слух, что и сзади насели русские, привел Девлет-Гирея в замешательство. Неведомо, какая сила пришла казакам на помощь. Прервав совет, он приказал командирам отводить войска по эллипсу, дабы не мешать друг другу. Тем временем платовцы, разметав конницу закубанцев, обратили их в бегство.

– Шайтаны! – не сдержался Девлет-Гирей, наблюдая, как брат Шабаз пытается образумить горцев и ногайских мурз, принявших решение отступить. Гнев душил хана: «Жалкие трусы, а не воины! В первом же бою сполна показали себя. За моей спиной хотели блага получить! Не завоевать, а даром взять... Как стадо, убегаете от пастуха! Если бы подоспели кабардинцы, они бы в прах разнесли урусов!»

Крымское войско стало беспорядочно и почти неуправляемо стекать по речной долине к югу и западу, отбиваясь от казачьих сотен. Тяжелая смута и ожидание развязки, пережитые казаками в осаде, сменились в их душах необоримой яростью.

Ремезов рубился впереди треугольного строя, издревле привычного для донцов. Влево и вправо от него – уступами – держались казаки полусотни. Сидорин вертелся на своем жеребце, выманивая джигитов, и когда те бросались вперед, из заднего ряда появлялись здоровила Михайлов и Яровой, умеющие владеть пашкой обеими руками. Скрещивалось оружие, и в этот момент вражеского воина, отвлеченного рубкой, настигал удар пики. Ему на помощь бросались единоверцы, и снова смертельная круговерть охватывала ряды. Ловкий Пахарин вырвал у кого-то из крымчаков щит и охаживал им врагов. Голубоглазый Акимов колол османов пикой, бил из-за спины бородача Белощекина, молящегося вслух даже в бою. У этого лихого старовера

был обоюдоострый меч, – то ли немецкий, то ли польский, которым он орудовал, как Илья-Муромец, не подпуская к себе врага на сажень. Рядом с ним всегда находился зоркоглазый урядник Рящин, то прикрывая шашкой, то пуляя из тяжелого пистоля.

Платов в пылу сражения, к недоумению, обнаружил, что пехотинцы крымчаков мчатся к становищу едисанцев. Да и ханцы ли это были? Обожгла мысль: «Неужели ногаи переметнулись? Помогали Девлетке?!» От вопиющего вероломства зашлась душа!

Десятка три казаков из ларионовского полка развернули коней, пускаясь в погоню. Не разбирая, кто перед ними, закубанцы или лукавые едисанцы, они в несколько минут положили всех, кто умышленно или случайно оказался на поле брани.

Девлет-Гирей и калга окончательно потеряли управление армией, когда верстах в пяти от Калалы их правый фланг был атакован кавалерией подполковника Бухвостова. Его гусар-ахтырцев вел капитан Петрович, а роту драгун – подпоручик Алексеев. К ужасу отступающих атаку русской конницы поддержали залпы двух пушек.

Невероятно, но рассеянная турецко-татарская армия, во много раз превосходящая отряд Бухвостова, суетно откатывалась в степь. Донцы и гусары гнались за неприятелем несколько верст. Только теперь, когда исход боя был предрешен, хорошо вооруженные едисанские всадники осмелились присоединиться к русским...

После сражения, уже в вечерних сумерках, командиры съехались у вагенбурга.

Бухвостов, рослый, с густыми пшеничными волосами, спешившись, обошел вместе с Ларионовым укрепление, с интересом и удивлением осмотрел окопы, рвы, пробитые кули, в которых щетиной торчали стрелы. Россыпи золотистого зерна были втолчены вдоль земляного вала в черную сыроватую землю. В похолодевшем воздухе начинал ощущаться смердящий дух погибших воинов и лошадей.

– Заставьте ногайцев похоронить врагов, как подобает магометананскому обычаю. Они дрались до конца. Уважения достойны все, кто дорожит клятвой. А наш Джан-Мамбет, когда я послал к нему офицера, отказался вступить с ханом в бой. Отказался, хотя имел три сотни конницы.

С ординарцами – Ареховым и Кошкиным – подскочил возбужденный, краснолицый Платов. В его глазах светилась радость. Бухвостов не утерпел, шагнул навстречу и крепко обнял.

– С викторией тебя, Матвей Иванович! Бог вас с Ларионовым зело любит! И не чаял застать в живых.

– Нападение неприятеля, господин подполковник, отражено. Ранены есаулы Куприков и Полухин, хорунжие Калмыков, Королев, Михайлов и Терентьев. Потери считают. Лошади, как видите, в большинстве потеряны... Казаки сражались доблестно и похвально...

– Подвиг ваш во славу Отечества зачтется. Вы разбили армию султана, и орды ногайские теперь некому смущать. Императрица желает кочевым народам мира. И то, что случилось здесь, далеко аукнется! Слуги Порты чаяли вас покорять, а сами малодушно бежали. Сердца ваши казацкие не покорены. И да будет так вовеки!

Бухвостов долгим взглядом окинул лица измученных смертельной схваткой донцов, в мундирах, испятнанных копотью и запекшейся кровью, и, пряча повлажневшие глаза, благодарственно склонил голову...

Погибших похоронили на обрывистом речном берегу, в саженях двухстах от полевого бастиона. Во Христе почили ратники и навеки унесли с собой неразгаданную тайну исхода земного. Придет новая весна, промчатся годы, века, имена их сотрутся с могильной плиты, и вовсе не станет этого каменного памятника. А участок степной земли рядом с Черкасским трактом неизменно останется святым местом поклонения россиян!

Поздней ночью середины мая во дворец Селмура вошел через потаенный ход неизвестный, одетый простолюдином. Охранники посольства, услышав в ответ условленные слова, пропустили его беспрепятственно. В такой час, как им хорошо было известно, приезжают только по самым неотложным вопросам. И действительно, спустя полчаса посетитель был допущен в кабинет посла Голицына.

Дмитрий Михайлович, без парика, с наспех причесанными прядями поредевших волос, пытливо вглядывался в парижского агента, пока этот черноглазый красавец, с широким развалом плеч, шагнул по ковровой дорожке к его столу. Поролистое бритое лицо, отмеченное коротким шрамом (вспомнился рубец от сабельного удара на щеке у Орлова-Чесменского), не выражало ничего, кроме дорожной усталости. И, рассеянно ответив на приветствие, Голицын с нетерпением спросил:

– Что стряслось? Почему вы здесь?

– Версальский двор, ваше высокопревосходительство, взбудоражен. Король Людовик XV при смерти. В замке Трианон он заразился оспой от любовницы, которая уже скончалась. Король потерял голос, временами впадает в беспамятство. Ни кровопускания, ни прочие средства не приносят облегчения. Дни монарха, как явствует из записки дофины Марии-Антуанеты, сочтены. К нему не допускают никого, кроме фаворитки мадам дю Барри.

Посол вышел из-за просторного, украшенного позолотой и орнаментом стола, взволнованно уточнил:

– Когда вы покинули двор?

– Восемь дней назад. Мы до Зальцбурга ехали верхом, несколько раз меняя лошадей, а там я взял экипаж.

– Благодарю за службу. Франция на пороге перемен, настал час интриг и дипломатии. А здесь, как ни странно, еще ничего неизвестно. Вчера в Шёнбруннском дворце я имел продолжительный разговор с канцлером Кауницем, и... Полное молчание! А, быть может, утаил, старый лис. В любом случае, ваша новость имеет большую ценность.

– Известно также, что австрийский резидент и опекун дофины граф де Мерси поселился в Версале и, вероятней всего, готовит Марию-Антуаннету к миссии королевы.

Голицын в волнении подошел к окну и, потянув витой шнур, отодвинул портьеру. В открытую форточку плеснуло холодком и ароматом доцветающей сирени. В широкий пролет виднелась над темными крышами убывающая луна. Ночь венская была глубока, таинственна.

– Что ж, рано или поздно это бы произошло, – заключил Голицын. – Людовик в преклонных годах. Образ жизни короля, его распутство имели огласку. Никогда не испытывал он дружелюбия к России. Сверх того, интриги недальновидных министров более всего вредили нам в последнее десятилетие... Жаль, Мария-Антуаннета так молода. Но будучи дочерью Марии-Терезии, она наверняка возобновит союз с Австрией, и это, без сомнений, нам на руку. Перспектива мира с Портой реальна.

– Но коли Шуазель, приятель дофина, будет возвращен ко двору, надежды на улучшение наших отношений с Францией сомнительны. Старик вновь ополчится против России.

– Вы правы, Зодич. Но мы не знаем с точностью: жив нынешний король или уже отдал богу душу, – рассудил Голицын. – Подготовьте донесение, – и немедленно возвращайтесь. За время, пока были в дороге, многое могло измениться. Однако, почему вы не направили сюда курьера? Или есть что-то еще?

– Точно так, ваше высокопревосходительство. Удалось открыть заговорщиков, угрожающих графу Орлову.

– И кто же они? – Дмитрий Михайлович вернулся за стол и, желая взбодриться, взял щепотку табака.

– Люди виленского воеводы Карла Радзивилла. Мой конфидент сообщил имена, хотя теперь у них наверняка фальшивые паспорта. Это Ян Ярошевский, сын краковского магната, и Ядвига Браницкая, из рода гетмана. Злоумышленники выехали из Парижа на три дня раньше меня, и я вынужден преследовать их на пути в Венецию.

– Вам немного удалось, – заметил Голицын и звонком вызвал дежурного. – Уже далеко за полночь. Вы, очевидно, голодны? Оставайтесь у меня. А днем обсудим план действий. Возможно, названные особы есть в тайной картотеке. Что известно об их внешности?

Сведения были скудны. Единственной зацепкой было то, Браницкая одна из самых красивых женщин Европы.

– Увы, грустная закономерность, – полушутя обронил посол. – Чем дама прекрасней, тем больше соблазн. От этого, пожалуй, многие красотки превращаются в куртизанок и преступниц.

– Последний год, ваше высокопревосходительство, в Париже обрела известность мадам Али Эметте, женщина также привлекательная. Она смугла, похожа на креолку, говорит на нескольких языках, в том числе на русском. В любовницах некоторое время была у Огинского, польского офицера. Сейчас она в Германии, в имении князя Лимбурга, который, по всему, собирается жениться на ней. Я не стал бы говорить о сей любительнице приключений, ежели бы не пущенный кем-то нелепый слух, что она якобы... дочь императрицы Елизаветы Петровны от графа Разумовского, и, являясь княжной всея Руси, претендует на царствование!

– То есть ваша дальняя родственница?

– Этим бредням, разумеется, мы даем отпор, да никто особенно и не верит в них. Но, смею полагать, надлежит наблюдать за мадам, готовой на любую авантюру.

– Напишите свою реляцию. И отдохайте, мой друг. Утро вечера мудренее. Ауф видер-зеен!³³

Ранним утром один курьер погнал лошадей в Петербург, а другой в Ливорно, где была резиденция Орлова-Чесменского. Всю ночь, не смыкая глаз, Дмитрий Михайлович писал подробный рапорт императрице, в котором сообщал не только о нездоровье французского короля, но и делал предположения касательно возможной ситуации в Европе с восшествием на престол внука Людовика XV. А в депеше Главнокомандующему в Архипелаге известил о заговорщиках и о возможном местонахождении их в Италии.

А Зодич проспал мертвецки до полудня. Разбудила его перекличка синиц за открытым окном. Он вспомнил с тревогой, где находится, и вскочил, ругая себя за то, что драгоценное время потратил на сон. Александр, потребовав у слуги чернил и бумагу, составил на имя посла подробное донесение.

Позже состоялась их встреча.

– Что вы намерены предпринять? – поинтересовался Голицын, просмотрев отчет агента. – В нашей картотеке оные лица не обозначены.

– Вернусь в гостиницу, а после полудня навещу пана Манульского, конфедерата, богатого землевладельца. У него здесь дом. Возможно, он имеет связи с теми, кого ищем.

– Достаточно ли у вас средств? Я буду ходатайствовать об увеличении выделяемой вам годовой суммы.

– Покорно благодарю. В финансах я не стеснен.

– Желаю божьей помощи. Не забывайте, чья жизнь в опасности. Граф Орлов-Чесменский – великий сын России. Действуйте!

---

³³ До свиданья!(нем.)

И без того напряженную дипломатическую работу усложнили новости из Парижа, как если бы у играющих за столом кто-то неожиданно перетасовал карты. Голицын с тревогой отметил, сколь непредсказуем этот год: иные лица в Петербурге, бунт Пугачева, моровая язва, уносящая тысячи жизней в Европе, новый султан в Порте и как следствие – оживление военных действий на Дунае, обострение отношений со Швецией, самозванка с претензией на русский престол и, наконец, предстоящее обновление в Версале. И всё это ему, русскому посланнику, необходимо учитывать, разгадывать, осмысливать. Слова и действия государей зачастую не совпадали. И, в первую очередь, необходимо было выяснить планы австрийского императора Иосифа и его матери, чтобы государыня Екатерина могла принимать верные решения. Он всегда помнил о родной стране. Вне этой службы Отечеству Голицын не представлял себя...

В затрапезном платье, в котором его можно было принять за бедняка, Зодич окольными улочками добрался до гостиницы. Пьер, расторопный и смысленный бургундец, посвященный в секретную миссию, успел вычистить и накормить лошадей, отгладить костюм хозяина и даже познакомиться с горничной, белобрысой девкой. Эта Габриэлла, к счастью, владела французским и, будучи болтливой, выложила чернокудрому ухажеру всё, что знала о проживающих. Оказалось, что вчера ночевала у них некая супружеская пара, направляющаяся в Италию. И дама говорила со своим господином на незнакомом языке.

– Молодец, – похвалил Александр слугу, большого любителя женского пола. – Их имена я постараюсь узнать сам.

Хозяйка гостиницы, подувядшая дама лет сорока, ничуть не оттаяла сердцем при виде красивого и изящно одетого парижанина. Выяснив, что он ищет среди поляков знакомых, она почему-то с подозрением посмотрела на него и лишь за деньги согласилась назвать бывших постояльцев.

Дворец Манульского, построенный в венецианском стиле, располагался в восточной части Вены, вблизи площади святого Стефания. Придверный лакей, наряженный в национальный костюм, услышав родную речь, с таким рвением бросился докладывать о госте, что сломал каблук.

Пан, пожилой рыжеволосый толстяк, страдающий сердечной жабой, принял визитера со странно озабоченным лицом в маленькой комнатке, рядом с вестибюлем. Одет он был по-домашнему, в архалук и мягких сапожках, и, судя по блеску в глазах, находился подшофе. И, как уловил Александр, от одежды его исходил запах женских духов. Уж не прервано ли любовное свидание?

– Рад видеть вас, уважаемый мсье Верден. Что-то зачастили в Вену парижане, – зашелся тирадой хозяин, пожимая руку. – И превосходно, чудесно. Надобно чаще встречаться и поддерживать друг друга, как это принято у иудеев... А вас я, милейший Клод, уважаю больше других за то, что поддерживаете нашу борьбу с захватчиками. К тому же, помогаете сплотить эмигрантские круги против России. Пся крив!

Слуга вскоре явился с вином и закусками. Они подняли бокалы за процветание Польши. И хозяин вновь пустился в разглагольствования о борьбе Конфедерации против русской армии, о привлечении добровольцев из других стран, чтобы очистить польскую землю от врагов и вернуть славу Речи Посполитой. Но чем больше говорил Манульский, тем яснее ощущал Зодич его фальшивый пафос. Затягивать встречу не имело смысла. Александр, улыбнувшись, прервал блудливую речь хозяина:

– В здешней гостинице, пан Тадеуш, я, к сожалению, не застал чету Сикорских. Пока ехал через Тироля, лошади выбились из сил. Не знакомы ли вы с ними?

В глазах Манульского промелькнула тревога.

– Наших немало в Австрии, – уклончиво проговорил хозяин, и Зодич почувствовал, что толстяк знает Сикорских. Возможно, они и есть агенты пане Коханку?

Зодич сказал с двусмысленной усмешкой:

– Надеюсь, друзья мои благополучно доберутся до места. Погода чудесная. И в Венеции не отменяют карнавал.

Набрякшие красные глаза хозяина выпучились, он разгладил указательным пальцем свои длинные рыжие усы и сбивчиво бросил:

– Я не совсем понимаю, о чем вы, мсье. Но, в любом случае, не стоит впустую болтать о польских патриотах. Мы сильны католической верой и единством! Нас не сломят никакие лишения. Выпьем за это! Пся крев!

«Очень похоже, что это они! – утвердился Зодич в своем предположении. – Почему пан так разволновался? Не доверяет мне?»

– Нет, я уже пьян, – засмеялся гость и, всем видом показывая благодушие, поднялся. – Отложим ваш реванш до следующего раза. Карты, как известно, требуют ясности ума.

Брошенное вскользь напоминание о крупной сумме, проигранной этому французу полгода назад, вздернуло Манульского. Самолюбие задолжавшего пана разыграло, он высокомерно вскинул голову.

– Отчего же, я всегда готов к услугам.

– Не сомневаюсь! Но... Вынужден вас покинуть.

– Слушайте, Клод, я не совсем понял ваш намек о карнавале. О чем вы хотели сказать?

– О чем вы спрашиваете, пан Тадеуш? – вопросом на вопрос отозвался Александр, замечая, что из-за двери кто-то подглядывает.

– Вы странный человек, мсье Верден. Говорите какими-то загадками, – посетовал, следуя за гостем Манульский, и вдруг остановился. – Я хочу сделать вам подарок. Отменное ружьецо. Извольте подождать.

Толстяк проворно нырнул в боковую дверь. И спустя минуту, опережая его, в комнатенку бежали двое рослых слуг.

– Взять шпиона! – завопил из соседней комнаты Манульский. – В подвал его!

Зодич кулаком сбил на пол немолодого слугу, метнулся по лестнице на второй этаж. С разбегу ступил на подоконник открытого окна и прыгнул вниз. Цветник смягчил удар о землю. Александр перемахнул через решетчатый забор и бросился по улочке к дому, где ждал его экипаж. Пьер, увидев хозяина, выхватил пистолет и пальнул в сторону дворца, на крыльце которого показался рыжеволосый поляк. И, только убедившись, что недруги не преследуют мсье, и он цел и невредим, лихой бургундец взбодрил лошадей кнутом...

16

Двое суток в отряде Бухвостова, в его составе и донские полки, производили перепись личного состава, ревизию боеприпасов и амуниции, ремонт лошадей. Для стана была выбрана равнина в двух верстах от поля битвы, по соседству с едисанскими кочевыми аулами.

Лекарь отряда, хлопотливый, престарелый уже человек, посчитал рану Ремезова опасной и оставил его под своим надзором. Терпения у Леонтия хватило на полдня. Сбежал он, предупредив только, что направляется к едисанцам за гусиным жиром, чтобы смазывать обожженное свинцом плечо.

На самом деле, причина была совершенно иной. Утром сотник столкнулся в лагере с Мусой, охранником Керим-Бека, казненного татарами. Муса привёз в казачий стан буйволятину, а в обмен получил два мешка зерна. Улыбчивый ногаец, обрадовавшись встрече, выпалил:

– Сестра моя, Мерджан, просила узнать, как живет офицер-эфенди. Поклон передавала.

– Значит, вы поблизости? И она в ауле? – с замершим сердцем спросил Леонтий.

– С нами. Теперь она достанется Хан-Беку, брату убитого хозяина.

Ремезов помрачнел.

– Это почему же?

– По наследству. Такой обычай.

– Вот что, Муса... Хочешь, я отдам тебе кубачинский кинжал. Я его в бою добыл. Сведи меня со своей сестрой! Я только посмотрю на нее да поговорю.

– Нельзя. Чужой мужчина не должен видеть.

– Я не чужой. Я в ауле месяц прожил... А такого кинжала у вашего Джан-Мамбета нету! Рукоять посеребренная, с орнаментом и клеймом...

Муса мучительно размышлял, крутил головой. Наконец, согласился при условии, что будет за ними наблюдать издали. Честь сестры, пояснил он с запальчивостью, дороже золота. Леонтий еще раз успокоил ногойца.

После осады не проходила тяжесть в теле, сами собой подрагивали мускулы рук и ног, клонило в сон. А временами окатывал Леонтия безотчетный ледяной страх. Недаром многие из казаков, как оказалось, не мукой были припорошены, а поседели за день. Однако после смертельной опасности мир обрел яркость и неповторимую красоту. И тем радостней было известие, что о нем помнит Мерджан...

Новый хозяин аула Хан-Бек почтительно принял русского офицера. Узнав, зачем он пожаловал, тотчас послал за Якубом-знахарем. Тот принес снадобье в глиняном стаканчике, сделанное на гусяном жире.

– Тешеккюр!³⁴ – кивнул Леонтий, поглядывая на дверь отова: не выйдет ли случайно Мерджан. Сновали другие женщины. Их Ремезов знал плохо и внешне различал с трудом. Задержался он в ауле ненадолго.

Леонтий шел по степи, щурясь от вечернего солнца. Кочевья ютились по южному склону, и здесь было теплей и тише, чем в казачьем лагере, расположенном на холме. Упоительно пахло влажной землей, зеленью, от юрт – дымом. И с каждой минутой волнение Леонтия росло, он боялся, что несговорчивый брат Мерджан нарушит уговор.

На краю балки, где цвели алычи, он присел на пень карагача. По всему, дерево недавно спилили на хозяйские нужды. На подсохшем срезе четко обозначились годовые кольца. Их было много, и Леонтий подумал, что карагач был старше его. Всё в мире в сравнении как бы теряет свое прежнее значение. Непрошено возникали и гасли перед его глазами картины боя, лица крымчаков, с кем рубился. Если бы не убивал он, то убили бы его. То мучительное ощущение, что изведаль два дня назад, и сейчас вернулось на мгновенье. Ничего нет дороже, чем счастье жить и любить, – это Леонтий теперь понимал с удивительной силой.

Однако казаки и неприятельские ратники воевали не по своему желанию, а выполняли приказы командиров, которые, в свою очередь, подчинялись правителям. А у тех свои интересы! Леонтий терялся в таких высоких материях. Он воспринимал себя сыном урядника, донским казаком, и был убежден, что долг и назначение его состоят в охране родной земли от набегов неприятеля, – а такие страшные дни не раз случались в детстве! – да в служении богу и матушке-царице, которое сулит чины, деньги и уважение станичников...

Первым он увидел Мусу, а поодаль шла с кувшином на плече Мерджан. Можно было подумать, что она направляется к роднику, откуда бежал ручеек, шумящий по дну балки. К нему аульцами была натоптана тропинка, и ни у кого наверняка не возникло сомнения, для чего покинули кочевье брат и сестра.

Леонтий вышел на тропу. Муса встревоженно оглянулся и сделал знак рукой, чтобы сотник скрылся. А затем ускорил шаги и, подойдя к офицеру, протянул руку. Леонтий, по обычаю, положил свой дорогой кинжал на землю. Парень ловко его подхватил, взглянул и восторженно цокнул языком.

---

³⁴ Благодарю! (татар.).

– Жди там! – кивнул Леонтий в сторону родника, где толпились дикие яблоньки. Ногаец, не сводя глаз с кубачинского кинжала и восторженно цокая языком, удалился.

Мерджан подошла и опустила свои прекрасные глаза, в затеньи ресниц. Плавнo поставила кувшин на край тропинки. На ней было шерстяное, мешковатое красное платье, а поверху надета черная каракулевая курточка.

– Как я хотел повидаться с тобой! – воскликнул Леонтий, подступая ближе и улыбаясь. – Ты теперь одна?

Девушка смотрела чуть исподлобья, уголки губ ее дрогнули, но во вспыхнувшем взгляде открылась затаенная радость.

– Я боялась тогда, что турки тебя найдут. Они убили мужа... – Мерджан вздохнула. – Было страшно!

Леонтий едва сдержался, чтобы не обнять девушку, склонившую голову. Помолчав, с грустью проговорил:

– А теперь? Ты должна стать женой его брата?

– У Хан-Бека четыре жены. Он сказал, что за калым отдаст меня своему старому дядьке.

– Ты сможешь полюбить старика? – выкрикнул Леонтий, схватив девушку за руку. – Лучше выходи за меня! Взяла ты меня за душу, не знаю как! Я увезу тебя к нам, в Черкасский. Будем жить по добру и любви!

Мерджан тревожно выдернула руку и оглянулась. Нежно прозвенели сережки-висюльки с разноцветными камешками.

– Нельзя, нет. Я веры другой.

– У нас, в Черкасском, кого не найдешь! Турчанки, персиянки и вашей ногайской сестры богато. Аллах и Христос на небе. А мы на Земле. Если го́ж я тебе, значит, вместе должны находиться!

– Моя бабка была русинкой из Галиции. Поляки привезли ее в Бахчисарай как пленницу. А я привыкла к такой кочевой жизни... Я не смогу без аула!

– Детишков нарожаешь и забудется! Люба ты мне, Мерджаночка... Дуже люба! – Леонтий снова взял за руку смущенно улыбнувшуюся девушку. – Ну, поскорей сказывай. Пойдешь за меня?

– Я замужней была. Тебя родители осудят... Бросишь меня, а куда мне потом?

Между деревьев, на тропе, показался Муса. Посерьезнев, гибкотелая Мерджан подняла и установила кувшин на плече. Глядя потеплевшими, взволнованными глазами, прошептала:

– Я подумаю... Я завтра на закате обязательно приду сюда.

Муса, по всему, не расслышал ее последних слов. Не выпуская кинжала из рук, он попрощался с Леонтием и пропустил сестру вперед, будто прикрывая от посторонних.

Перед отбоем Ремезов отозвал ординарца в балочку, признался, что решил Мерджан выкрасть. Тайком от командиров отвезти на Дон. Сделать это следует завтрашним вечером или ночью, ибо через день полки снимутся.

– Знатное дельце! – загорелся Иван. – А как будем красть?

Ремезов объяснил, что девушка обещала прийти к роднику. Перетолковали. И сошлись во мнении, что будут действовать по ситуации. Одно дело, коли она добровольно согласится, а ежели воспротивится – совсем иное...

– Утащим бабенку, никуды не денется, – заключил Плёткин, на ходу набивая трубку табачком. – Погано только, – накажут вас за побег. Может, ударить челом Платову? Нехай отпустит в отпуск по ранению. Какой из вас зараз рубака?

– А ежели воспретит?

– Ваше благородие, доверьте мне отвезти зазнобу. Я ее в обиду не дам. Во мне сумлеваться грех, – вместе шашками крестились. Ну, всыплют плетей, выпорют. Вытерплю. Абы вас не тронули!

Ремезову невзначай вспомнилось, что и ординарец, когда жили в ауле, заглядывался на Мерджан. И хотел было отказаться, но казак наложил крестное знамение:

– Худого не подумайте. Я не ведал, что Мерджанка вам по нраву. Теперича она – невеста ваша...

Осуществить задуманное оказалось далеко не просто.

Плёткина привлекли к починке фур, и казак явился к командиру лишь под вечер. А Ремезова держал при себе есаул, выбиравший для сотни лошадей из отбитого татарского косяка. И Леонтий, обеспокоенный тем, что опаздывает на свидание, освободился только в сумерки.

Иван отогнал в балку двух лошадей, – гнедого диковатого маштака для себя и чудом уцелевшую каурую – для Мерджан. А Леонтий снова петлял между ногойскими арбами и отовами, прежде чем пробрался к условленному месту. Уже начинало смеркаться, и ярче пылали в становище костры. Подле них собирались аульцы после намаза.

Мерджан не шла.

Плёткин, дежуривший у лошадей, подал свист, предупреждая, что неподалеку. Минул час. Однако тропа оставалась безлюдной, скрадывалась темнотой, и с каждой минутой надежда на встречу с любимой у Леонтия таяла.

«Значит, не смогла ускользнуть, – грустно рассуждал он, не спуская глаз с ногойского становища, откуда доносились голоса. – Или просто не захотела? Не нужен я ей...»

Обида бредила душу. Ждать было некогда, да и бессмысленно. И Ремезов, не боясь подозрений аульцев, решил разыскать Мерджан. Пусть все выяснится в этот вечер!

У шатра аул-бея ярился костер, вокруг которого сидели мужчины, возбужденно перекрикивающие друг друга. Появление русского офицера, знакомого многим, вызвало оживление. Хан-Бек, улыбаясь, пригласил его сесть рядом, разделить праздничное застолье.

Сотник благодарно поклонился, замечая кувшины с бузой и куски жареного мяса на блюдах.

– Что за праздник? – спросил он у Мусы, на поясе которого уже висел кубачинский кинжал.

– Хан-Бек калым получил, и меня не обидел, денег дал. Мерджан новый муж увез. Калым-байрам!

– Куда увез? – вздрогнув от неожиданности, спросил Леонтий.

– В свой аул, на Кубань-реку.

«Я догоню ее! На подводах далеко не уедут! – лихорадочно заметались мысли. – Как я раньше не догадался!»

Он вскоре попрощался с хозяином и зашагал в сторону балки, где ожидал Плёткин. Надо было, пожалуй, предупредить есаула. За самовольные отлучки в полку строго наказывали. Но это отняло бы полчаса, а надо было спешить!

Ремезов коротко рассказал ординарцу о случившемся и, не мешкая, сел на лошадь. Он не знал, да и вряд ли кто ведал в ауле, по какой дороге направился старый ногоец, – в степи тысяча путей! Скорей всего, он будет придерживаться известного маршрута, того, по которому орда уже передвигалась.

Ремезов гнал каурую во весь опор! Следом на гривастом татарском жеребце скакал Плёткин. Отчаянный перебор копыт катился вдоль долины. Они отмахали уже изрядно, когда замаячили силуэты всадников, и густой бас окликнул:

– Кто такие?! Казацкий кордон!

– Свои! – отозвался Ремезов. – За ногоем гонимся! Коня угнал!

Донская речь успокоила дозорных.

– Смотрите, как бы вас самих не угнали! Черкесы шалют, разбойничают!

Спустя полчаса, когда лошади выбились из сил, и выступил на их крупах пот, казаки настигли едисанский обоз. Став лагерем, путники жгли костры. Распряженные лошадки паслись на луговине. Резкие болотные запахи мешалась с горечью дыма и свежестью травы.

Насторожившись, ногайцы встали, когда к ним вплотную подрысили всадники. Но, узнав казаков, дружески их приветствовали. Однако повели себя донцы необъяснимо странно!

Ремезов прыгнул на землю, стал обходить подводы, в темноте стараясь разглядеть лица женщин. Это не понравилось молодым обозникам. Они, не оставляя казачьего офицера одного, заступали ему дорогу и подозрительно спрашивали:

– Куда ходил? Зачем надо?

Мерджан отыскиали на убранной коврами подводе. Она первой узнала казаков, прыгнула с высокого борта.

– Леонтий! Продали меня! Калым давали...

– Я отменяю сговор! – непримиримо объявил сотник. – Ты не рабыня. И забираю тебя насовсем!

Ремезова не сразу поняли ногайцы-охранники и новоявленный муж. Они с недоумением наблюдали, как казачий офицер вел Мерджан, покорно идущую рядом.

Иван подогнал лошадей. Леонтий подхватил девушку и, подняв, посадил на круп каурой. Следом запрыгнул сам. Она, точно обручем, обхватила его руками за пояс. Миг – и всадники, под затихающую дробь копыт, растворились во мгле.

Ногайцы не отставали до самого казачьего кордона. Когда же Плёткин, увидев сородичей, крикнул, что напали османы, и пальнул для острастки вверх из пистолета, преследователи повернули вспять. Казаки бросились своим на выручку. Но сотник с ординарцем, не откликнувшись, вихрем промчались мимо, точно призраки...

17

С утра солнце было по-северному хмурым, пряталось в серой дымке, и тянуло сыроватым воздухом с Балтики, из вековых чухонских лесов. А к полудню все небо очистилось. Залитые яркой синевой, преобразились и сквозящие березняки в парке, и аллеи, и пруды, и широкие лестницы, и самый Екатерининский дворец.

Светозарный день середины апреля нарушил все планы императрицы. Она велела подать шубку и без промедления отправилась гулять в парк в сопровождении левреток, статс-дамы графини Брюс и Марии Саввишны, камер-юнгферы. У всех настроение было веселое, и они по-женски болтали, сплетничали о женах иностранных посланников, являющихся на приемы расфуфыренными, с таким количеством украшений, что из них можно составить ювелирную лавку. Временами Екатерина останавливалась на аллее, посматривала на окна покоев, где находился «милая милуша», Гришенька любимый, и вздыхала, упрекая мысленно, что он чрезвычайно долго собирается, не выходит в парк, хотя она послала ему приглашение загодя.

Потемкин, восхищая своей могучей фигурой и безупречно подогнанным мундиром генерал-адъютанта, с черной повязкой на голове, неторопливо спустился по лестнице, выйдя из боковой двери дворца. Сердце Екатерины екнуло, она, позабыв обо всем, пошла навстречу. За ней засеменили по песчаной дорожке игрушечно маленькие собачонки, взвизгивая и радуясь солнышку. А свита придворных почтительно отстала, приученная к дворцовому этикету.

– Как изволили почивать, сударь? – спросила императрица, с обожанием глядя на фаворита. – Лицом вы свежи и довольны. Губки красные...

– Спал отменно, матушка государыня, – бодро отвечал Потемкин, хотя ушел от нее, от своей любовницы, в пятом часу утра.

– Мы извелись, вас ожидаючи.

Потемкин улыбнулся, повинно опустил голову. Но, спустя минуту, лицо его приняло выражение горделивое и сосредоточенное.

– Я нонеча, матушка государыня, ознакомился с рапортом Бибикова о сокрушении им у Казани банд Пугачева. Весть эта обнадеживающая. Но как ни преткновен Александр Ильич в боевых действиях, важно узнать, что послужило причиной бунта, и не было ли подстрекательства среди чиновников губернских. Я от Вашего имени повелел отозвать из армии Румянцева бригадира Павла Потемкина, родственника моего, дабы возглавил Секретную комиссию по расследованию пресловутого бунта.

– Мы знаем сие и даем бригадиру Потемкину благоприютствие... Вы однако, сударь, не соскучившись... А я за десятью запорами держу свою любовь в сердце, она задыхается там, мучает меня, грозит вырваться...

– Государыня! Я всё бросил к Вашим ногам, и не токмо жизнью принадлежу Вам, но и до конца дней своих любить смогу только Вас, служить только Вам и без сумнительства выполню любую волю Вашу. Смысл вижу в служении Вам и Отечеству. – Потемкин осторожно сменил страстную интонацию на деловую: – Я обсудил со статс-секретарем, Сергеем Матвеевичем Кузьминым Ваш рескрипт фельдмаршалу. Там есть добавление.

– Мы знаем. Фельдмаршалу Румянцеву, как ты настаивал, милая милуша, нет ограничений в переговорах с султаном о мирных кондициях. Но визирь его упрямствует.

– Мухсен-Заде – мудрый стратег. Мир ему нужен не менее, нежели на то мы намерения имеем. Длительная война вредит всякому престолу. В самой Порте беспокойно... По секретному каналу надобно скорейча переправить деньги в Стамбул, привлечь на нашу сторону приближенных султана.

– В рескрипте об том фельдмаршалу указано. Не ты ли, голубчик, сам писал его?

Потемкин, обладавший феноменальной памятью, вспомнил концовку, написанную вечером: «Хотим мы здесь индиковать... известный способ, который с турками пред сим часто сильнее и действительнее других бывал. Мы разумеем тут употребление знатной суммы денег, хотя до ста тысяч рублей, к приобретению в самой ставке верховного визиря такого канала, который бы взялся за совершение мира на определенных от нас новых основаниях оному. Мы уполномачиваем вас чрез сие на испытание оного способа, если только оный в существе с видимою надёжностью употреблен быть может. Авось либо при ревностном вашем попечении и искусном управлении откроется ныне чрез деньги таковая способность».

– Об чем задуматься изволил? О почивших Генриетте-Каролине и ее матери? – спросила Екатерина, поправляя рукав собольей шубки, надетой поверх темного, в знак траура, платья. – Две эти кончины почти в один день тяжелы душе. Нами будут пожалованы к руке принц Гессен-Дармштадский и его сопровождающие кавалеры Раценгаузен и Гримм. Принца, брата великой княгини, супруги сына Павла, я не очень видеть желаю. А вот Гримм – учен, и дружит с энциклопедистами. Я получила от бесед с ним отменное удовольствие!

Потемкин вспыхнул, резко повернул голову.

– Вы, Ваше Величество, не преминете оказать внимание и милость Вашу всякому молодому и галантному мужчине.

Екатерина удивленно заулыбалась, уловив в речи любезного Гришеньки бешеную ревность.

– Я объявила при Дворе траур в знак скорби по Генриетте-Каролине и ее матери, а ты упрекать вздумал, – не заметив, как с привычного «мы» она перешла на «я», употребляемому только при свиданиях в покоях. – В каком ты, дружочек, заблуждении находишься! Ищи лукавство, хотя со свечой, хотя с фонарем в любви моей к тебе...

Они остановились одновременно, жадно глядя друг на друга.

Звонко тренькала в кустах смородины синица, перепархивая по веточкам. Пахло березовой корой и талой водицей из глубины парка. Тени погожего полдня были фиолетовы и отчет-

ливы. Дорожка аллеи, повернувшая к пруду, казалась разлинованной ими. Левретки носились лужайкой, по которой звездочками золотились цветки горицвета.

Екатерина шагнула первой, всей грудью вдохнув упоительный вешний воздух. Она была счастлива, счастлива невероятно, впервые в жизни ставя дела государственные после дел сердечных. Но, будучи «резонер по роду занятий», как намеренно написала она Гришеньке, бессознательно ощущала взятую фаворитом ответственность и за ее благополучие, и за судьбу Державы. И от этого смещения любви, политики, дворцовых интриг кругом шла голова!

Она вернулась к свите, распрощавшись с Потемкиным. Через три дня намечен переезд в Петербург. Ремонт в апартаментах любовника закончен, она не пожалела денег на модную мебель и шпалеры, обои, сама старалась обустроить для «милюши» уютное жилье. Всё в жизни начиналось с думок о Гришеньке, о том, какой он сильный, умный и надежный. И его постоянное требование пожениться уже не казалось ей несбыточным. Быть мужем ей, императрице, он достоин как никто иной. Этого, впрочем, добивался и Орлов. Но Григорий «первый» ни в какое сравнение не шел с «милюшей»! И по уму, и по знаниям, и по широте натуры Потемкин превосходил предшественника.

Статс-дама Прасковья Брюс, верная подруга на протяжении многих лет, о чем-то шушукалась с Марией Саввишной, и императрица не удержалась, полюбопытствовала.

– Да обсуждаем, матушка Екатерина Алексеевна, наряды свои. В чем следует на завтрашний прием явиться.

– Экая проблема! Проще одевайтесь. Я, например, в полонезе буду. Строгость соблюдать в трауре подобает.

– Братец мой, фельдмаршал Румянцев, в письме много слов похвальных о Григории Александровиче употребил и рад чрезмерно, что замечен и приближен Вашим Величеством, – перевела разговор статс-дама, поравнявшись с государыней, устремившейся ко дворцу. – Герой на войне, генерал-адъютант и при Вашей милости в делах государственных победы одержит!

Екатерина посчитала лесть подруги слишком откровенной и ничего не ответила. Слабость имела красавица Прасковья, ее ровесница, к мужчинам и о своих куртуазных приключениях охотно секретничала с ней. Екатерина также делилась подробностями отношений с фаворитами. Впрочем, иногда откровенничала излишне.

Лакей, молодой стройный парень, в белом парике, так идущем ему, черноглазому, и с чувственным изломом губ, очень понравился императрице. «Чтой-то не знаком, из новеньких, – подумала императрица, входя в коридор дворца. – Хорошенький весьма! Розанчик!» Она ощутила невольный прилив нежности и вожделения.

Но почему-то вспомнилась давняя оказия в Петергофе. Тогда она уже была императрицей, влюблена в Орлова, изводившего ее своими бесконечными изменами, и порой срывалась, теряя здравомыслие.

Помнится, глубокой ночью ее разбудили крики и переполох во дворце. Она выглянула в открытое окно, в смутное пространство петергофского парка, озвученного шумом фонтанов. И разгневанная, что помешали спать, немедленно пригласила дворецкого. Выяснилось, что некий влюбленный лакей пробрался к горничной, а девица подняла такой вопль, что сделалась тревога. Сгоряча она приказала примерно наказывать блудника. На другой день ей доложили, что возмутителю сна императрицы присудили сто ударов кнутом. А ежели жив останется, подвергнут отрезанию носа, клеймению и ссылке на каторгу в Сибирь. Теперь, по прошествии лет, она сожалела, что не явила милосердия к влюбленному недотёпе...

Уже в одиночестве войдя в покои, минув анфиладу комнат, она остановилась у камердинерской и заглянула в приоткрытую дверь. Четверо бравых молодцев резались в карты. Екатерина оживилась и отвела дверь. Слуги вскочили и замерли с вытаращенными глазами.

– Кто мне место уступит? – попросила она с заминкой. – Во что играете? В «дурачка» или в вист? Кто прикуп взял?

Бились, сражались больше часа. Камердинеры стали мухлевать в ее пользу, но императрица это разгадала и потребовала играть честно. И тут же оказалась три раза подряд в «дурачках», и весело смеялась над собой, невезучей в картах...

А Потемкин выехал с адъютантами в лес на отменном английском жеребце. Он гнал скакуна версты две, с радостно замершим духом. Размеренная дворцовая жизнь ему была не по нутру. Кровь бурлила, требовала действий!

Место для стрельбы выбрали на поляне, среди сосен и елей. Теплая хвоя излучала головокружительный аромат. Офицеры расставили мишени. Трое заряжающих по очереди подавали пистолеты. Григорий Александрович выцеливал стоящую на пне сосновую шишку, и плавно тянул спусковой крючок. Выстрел звонисто отдавался по чащам. Было видно, как с выбросом порохового дыма вымелькивало пламя, и темным комком отлетал пыж. Пуля с коротким глухим звуком вонзалась в пенёк или стоящие за ним стволы.

Из четырех пистолетов – двух тульских, французского и кавказского – более всего понравился опытному стрелку последний. Удобной была рукоять с костяным яблоком, ореховая ложа и граненый ствол. Пристрелявшись, генерал сбил все шишки!

Распирало грудь от свежего, отдающего прелым листом воздуха. А пороховая гарь явственно напомнила войну. Сколько раз он рисковал, лез в самое пекло сражений! Ордена Святой Анны и Георгия, пожалованные Екатериной, по представлению фельдмаршала Румянцева, воистину были заслужены!

Но теперь Потемкину минувшее представлялось незначительным, только началом его дел во славу России. И этот первый месяц вхождения во власть, приближения к императрице, ставшей возлюбленной, был для него особенно трудным, со множеством козней и всяческих испытаний.

Между ними – два враждующих клана. Братья Орловы и их влиятельные сторонники, с одной стороны, и цесаревич Павел с Паниным – с другой. Хотя и прислал ему Алексей Орлов письмо, прося о милостях к отставному преобразенцу Маслову, а сам он послал ему в подарок дорогое ружье, – держаться с орловской партией следует чрезвычайно аккуратно. Еще важнее заручиться благорасположением Панина. Его заемная у англичан идея “Северного аккорда”, союза с северными странами, с Пруссией и Польшей разлетелась в прах. Опозорился и Григорий Орлов на переговорах в Фокшанах. У Потемкина таких неудач не было. И утвердиться он сможет только при скорейшем заключении мира с Портой. Это не менее важно, чем разгром Пугачева...

Григорий Александрович, отдавая накалившийся пистолет, напоследок обратил внимание на одного из заряжающих, одетого в солдатскую форму. Левая щека кудрявого, приземистого малого, по всему, была обожжена, коричневела треугольным пятном. Потемкин подумал, что парень воевал.

– Где это тебя отметили? – доверительно спросил он, делая знак, чтобы подвели лошадь.

– По причине моего недоразумения, ваше превосходительство! – бойко ответил слуга. – При Зимнем дворце состоял я трубочистом. И послан был комендантом на чистку камина. А матушка государыня, не знавши, его и затопила. Я при этом изволил малость поджариться!

Сопровождающие генерал-адъютанта рассмеялись. А он, сев в седло, с улыбкой глянул сверху на неприглядного холопа. И, достав из кармана мундира золотой, кинул ему...

Леонтий стоял на высоком кургане до тех пор, пока в ночной темени не стих перестук копыт. На губах еще ощущались поцелуи. Руки помнили гибкую талию и плечи Мерджан... А в душе не унималась боль от расставания! Тревожила и дальняя дорога на Дон. Он полагался на Плёткина, казака храброго и разумного. Мерджан, по всему, наездница умелая, да и каурая

его испытана в дальних походах. Но как оставаться спокойным, если до Черкаска триста вёрст по безлюдной степи?

Леонтий сбежал по ковыльному скату и зашагал к казачьему лагерю. До него было верст семь. Там, куда направлялся, едва озарялась кострами кромка ночного горизонта. Ночь цепенела окрест. Яркие узоры звезд причудливо выложили небо. В родной край вел вышний Казацкий шлях, двумя дымчатыми рукавами сквозящий над головой. Ремезов с неожиданным волнением ощутил бескрайность степи и небес над нею. И мысленно стал обращаться к Господу помочь возлюбленной в пути, а ему – в боях с врагами.

Прохладный воздух в низинах отдавал речной мятой. Перекликались во мраке, будоражили степь какие-то потревоженные птицы. Он ступал прочно и размашисто, пока не встретился лазориковый склон. Окатил снизу медвяный настой, свежесть раскрывшихся бутонов. Леонтий остановился, вдохнул аромат и не сдержал восторга, ахнул, закрыв налившиеся радостными слезами глаза. Да неужто всемилостивый Бог даровал ему и эту весну, и любовь, и счастье быть любимым? А ежели б три дня назад не выстояли в бою?

Ремезова опять охватило недоброе наваждение... Чудились скачущие вражеские всадники, скрытые темнотой. Казалось, вот-вот и – вонзится в грудь стрела! Нет укрытия в степи, некуда бежать...

Он читал про себя молитвы, правую руку держа на эфесе шашки. Вдруг сердце замерло! Саженьях в ста, на фоне отсвета казачьих костров, он увидел всадника на вершине холма. «Кто бы это мог быть?» – с трепетом подумал сотник, ускоряя шаг.

Неведомый воин также заметил донца. Они сблизилась. И тут углядел Леонтий над головой верхоконного светящийся нимб! Догадка опалила душу: да ведь это Егорий Храбрый! В блеске месяца стал различим его синий кафтан, чешуйчатая кольчуга и алый плащ.

В правой руке он держал пику, а в левой – меч. Дрожь проняла Леонтия, встретившего Святого. Походил он на донца, а не на какого-то сказочного витязя, о котором пели бродяги-лирники:

По колена ноги в чистом серебре,
По локоть руки в красном золоте.
Голова у Егорья вся жемчужная,
Во лбу-то солнце, в тылу-то месяц.
По косицам звезды переходящие...

Нет, был Змееборец попросту крепкий и приятный лицом ратник, с умными глазами и черной кудрявой головой. Да и конь под ним был ладный и могучий, с гривой шелковой. Леонтий поклонился. Христолюбивый воин ему приветно кивнул.

– Чем-то встревожен, казак? В глазах твоих печаль.

– Полюбил я девушку, отправил ее в Черкасск, в станицу нашу. Только встретил и – расстался... А самому сызнова воевать с османами.

– Ты – казацкий сын. Господом призван быть земли родной заступником. И я с полками русскими всечасно пребываю, не щажу врагов, поднявших меч на Русь. А в эти дни я здесь, у гор кавказских. И прихожу на помощь тем, кто верен Христу и присяге.

Конь Георгия переступил, просясь в дорогу. Святой перехватил свое мощное копьё, оперся на стремя. И перед тем, как исчезнуть во мгле, сурово сказал:

– Не преклоняйся пред недругами! Храни землю православную и отражай посягающих на нее. А я тебя не брошу...

Ремезов вздрогнул, веря и не веря в эту встречу с Георгием Победоносцем. Не привиделось ли ему? Но прилив сил в душе был необычаен, и безудержно влек вперед...

Дозорный казак попенял за то, что шляется среди ночи. А у костров, несмотря на глубокую ночь, вязались разговоры. Ремезов подошел к своей полусотне. Урядник Ряцин, увидев его, пружинисто встал.

– Ваше благородие! Есаул Кравцов требовал вас к себе.

Усталость заплетала ноги. Но Леонтий прошел к камышовому шалашу, где ютился его командир. Казачина караулил у входа, сидя на ящике с ядрами. Рядом располагались и артиллеристы.

Кравцов отдыхал на ложе, покрытом одежинами и кошмой. Спросонья он не стал зажигать лучину, сердито пробурчал:

– Это ты с ординарцем на кордоне разбойничал, по ногайцам палил. А потом с уворованной бабой удрал?

– Было такое.

– А где Плёткин?

– Он прийти никак не может, господин есаул! Он в отъезде, по моему приказу.

– Ась? – Кравцов сел, выбросив ноги из-под кошмы. – В каком таком отъезде?

– Об том, Лука Агафонович, сказать не могу.

Кравцов, отдуваясь, стал натягивать высушенные ночью сапоги. Погодя встал, строжась голосом, отчеканил:

– Проступок ваш на кордоне, сотник Ремезов, сурового наказания достоин! Вы не доложились по всей форме, что устав обязывает! Сверх того, самочинно приказали казаку покинуть полк, что вынуждает меня супротив сих бесчинств меры принять!

Командир сотни выглянул из шалаша, позвал караульного. И едва тот вошел, приказал:

– Прими от господина сотника оружие! А утрецом, Леонтий, за всё ответ держать станешь перед Платовым!

Брезжила зорька. Холодный тянул с севера ветерок. Леонтий сидел у костра, подставляя дуновениям лицо, гадая, сколько верст одолели путники. Беспокоило, что маловато у них съестных припасов. Бог даст, попадутся хотоны калмыков. Там и для лошадей можно будет достать корма. Открывать же, куда послал Плёткина, никак нельзя. Платов сгоряча может приказать, чтоб догнали и вернули. А Мерджан... Ради нее он всё готов вытерпеть!

До побудки Ремезов грелся с казаками у огня. Вдоволь наслушался сказок и прелюбопытнейших историй о походах, победах и поражениях, про коварство ведьм и распутство баб, особенно чернокожих, из заморских стран. Спать так и не пришлось...

Есаул пробыл в палатке полковника недолго, прежде чем пригласили Леонтия. Платов спозаранок был не в духе, хмурился. Не глядя на сотника, отрывисто спросил:

– Ладно – пошумели. А где казак Плёткин?

– Не могу сказать. Он бесперечь возвратится, господин полковник.

– Али ты хмелен, али сбесился, Ремезов? – постарался остепенить своевольца командир. – Мы на войне, а не на свадьбе. Докладывай по уставу! Куда казака снарядил и где ногайская жена?

– Никак не могу.

Платов, гневно раздувая ноздри, повернулся к сотнику.

– Разжалован в рядовые! – с нажимом произнес он, вставая. – Пред строем – полсотни плёток! Понятно, за что?!

– Так точно, господин полковник.

Бравый вид и уверенность, с какой держался приятель детства, ввели Платова в замешательство. Зыркнув на есаула, он приказал ему выйти. Приблизившись к Леонтию на расстояние шага, жестко бросил:

– Говори правду.

– А коли...

– Запороть велю! Ты меня знаешь... Неподчинения не позволю!

Леонтий, однако, уловил в потемневших глазах Платова не ожесточение, а некую товарищескую заинтересованность.

– Отослал с невестой... Какую у ногаяв отбил... К моим родителям отослал, – сбивчиво, теряясь в мыслях, проговорил Ремезов. – Ногаи за нами гнались, потому и кордон всколыхнули...

Платов минуту в упор смотрел на своего, похоже, обезумевшего от любви офицера. И вдруг посветлел взглядом, усмехнулся и ударил ладонью по здоровому плечу сотника.

– За правду наполовину прощаю. Отменяю порку! А из офицеров выгоню. Послужи урядником, храбрость яви... Был у меня ночью мурза, с жалобой приезжал, требовал выдачи вашей... Эх ты, Леонтий! А ведь я в есаулы тебя метил. Дурости у тебя еще много!

– Так точно, господин полковник! – снова отчеканил Леонтий и, вздохнув, порывисто вышел из командирской палатки.

Часть вторая

1

«Кавказскую карту» Порты разыгрывала в соперничестве с Россией на протяжении всего XVIII столетия. Где добровольно, где принудительно ее миссионеры обращали горские языческие народы в ислам, всячески поощрялся их союз с Крымским ханством, набеги на южные российские пределы.

О подлинном положении в Кабарде Екатерина узнала от прибывшего в Петербург еще при ее покойном муже, императоре Петре III, владельца Кургоки Кончокина. Междоусобица, притеснения владетелей Большой Кабарды побудили его просить позволения переселиться своему роду на левый российский берег Терека. Это прямо соотносилось с ее указом, разрешающим осетинцам и киштинцам поселяться на равнине, на землях российских. Полная открытость кавказской границы, происки османов, требовали смелых и решительных мер. И Екатерина одарила благородного кабардинца милостями: ему, принявшему крещение и нареченному Андреем Ивановым, был присвоен чин подполковника с достойным жалованием и позволено использовать титул: князь Черкасский-Кончокин.

Новоявленный российский князь выбрал для жительства урочище Мез-догу, что означало – Большой лес. Русскими это название было несколько изменено – Моздок. И без промедления летом 1763 года сюда прибыла специальная армейская команда, состоящая из урядника и тридцати солдат, под началом инженера-подполковника Гака. Вручную в лесных чащах валили лес, – вековые дубы и буки, из бревен сооружали укрепления и дома, склады и казармы, церквушку; по всему периметру возвели фортификационный земляной вал. И уже через два года Моздокская крепость, со штатным гарнизоном, стала оплотом России на терском рубеже.

Императрица всячески поощряла переселение горцев в этот городок. Всем, прибывшим сюда и принявшим крещение, выплачивалось денежное довольствие и выделялись земельные участки. Сверх того, зависимые от своих узденей горцы, приняв христианство, становились «свободными».

Две терские твердыни – Кизляр в устье и Моздок в середине – вызывали крайнее недовольство не только у владетелей Большой Кабарды, но и у крымчаков и турецкого султана. Вылазки вооруженных отрядов кабардинцев в районе Моздока были не редкость. Владетели настаивали, что урочище принадлежит им, поскольку издавна там пасли скот и пользовались лесом. Такая откровенная наивность не требовала разъяснений российского правительства.

Возобновившиеся боевые действия на рускотурецком фронте весной 1774 года воскресили надежды владетелей Большой Кабарды на поддержку Порты и хана Девлет-Гирея. Именно с этой целью двое из них, Мисост Баматов и Хамурза Асланбеков, полгода назад ездили к Девлет-Гирею, ставленнику Турции, с просьбой о разрушении Моздока. Ответ был дан благоприятный, и теперь, безусловно, пора было готовиться к боевым действиям!

Гроза великой войны нависла над Кавказом. Куда вначале двинется Девлет-Гирей: в Кабарду или, преследуя ногайские орды, на Дон? Комендант Моздока и командир одноименного полка Савельев ожидали с мартовским теплом нападения, и поэтому деятельно готовились к его отражению. Во-первых, был переведен полк, состоящий из гарнизона казачьих станиц – Галюгаевской, Ищерской, Наурской, Мекенской и Калиновской, в походное положение. Также отменялись все командировки из них. Во-вторых, Наурская станица, Наур-городок, стал центром сопротивления. Велено было усиливать редуты, а при появлении османов немедленно собраться туда жителям всех остальных станиц и держать общую оборону.

Однако Девлет-Гирей повернул на север и восток, отложив набег в Кабарду. Невероятное и труднообъяснимое поражение на Калалы, бегство от русских надломило боевой дух его воинов. Он отвел свою армию на Кубань, не оставляя в покое ногайские орды. Несколько мурз переметнулось на его сторону. Но большинство ордынцев хранило верность русской императрице. Преследование отряда Бухвостова заставляло оттягиваться к горам, к родным местам черкесов, составлявших его ударную силу.

Между тем в Бахчисарае обстановка обострялась. Старейшины правящего в Крыму рода были недовольны Сагиб-Гиреем, его сдержанной по отношению к России политикой. Они постоянно подбивали хана на мятеж против русского гарнизона. Сверх того, Сагиб-Гирей не признавала Порты. А с вручением высочайшего фирмана от турецких властей его двоюродному брату, Девлет-Гирею, он фактически утратил влияние в своей стране.

В отряд сопровождения Девлет-Гирей отбирал воинов лично. Помимо охранников и нукеров, включил в него партию черкесских всадников. Два полученных послания, в которых ставился вопрос о возможной передаче ему ханской власти Диваном, обязывали оставить войско и сосредоточиться на борьбе за престол. Именно то, что Сагиб вззошел на трон благодаря русским, не давало ему покоя. О намерении завоевать Россию и Кавказ он был вынужден временно забыть, ибо фанатически любил свой Крым, и был правоверным магометанином.

Ночью, накануне отъезда, хан созвал военачальников. В шатре, озаренном свечами, было тревожно и сумрачно. Приближенные всем видом показывали печаль, связанную с тем, что их покидает вождь. Но Девлет-Гирей, видя сие лукавство угодников, оставался спокойным.

– Во имя Аллаха милостивого, милосердного! – провозгласил он распевно, окинув взглядом полукруг сидящих пред ним. – Я отлучаюсь в Бахчисарай. А вам, предстоит здесь, на Кубани и Кавказе, сражаться во славу Гиреев!

Его перебили яростные, исполненные преданности возгласы, славящие ханский род!

Девлет-Гирей подождал и поднял руку, требуя тишины.

– Мы должны удвоить силы за счет кабардинцев. Это храбрые джигиты! Поэтому следует соединиться с ними и взять Моздок, истребить все поселения казаков на Тереке. Это – и моя воля, и пожелание султана Порты! Ногайские мурзы, которые еще колеблются, впоследствии поддержат нас. В русской армии на Малке, в Моздоке, как мне известно, есть пушки. Но их меньше, чем у нас в Копыле... Вы получите деньги, золото и наложниц, если разобьете корпус Медема на Малке или в любом другом месте. Да поможет Аллах стереть крепость неверных с лица земли!

Девлет-Гирей, испытывая крайнее возбуждение, порывисто встал на ноги, и тотчас его примеру последовали подчиненные. Заколебались свечи и факелы в руках слуг.

– Я возлагаю надежду на вас, правоверные! Я хочу видеть всех в Бахчисарае как победителей!

И вновь палатка вздрогнула от множества восторженных криков!

Ночью хан пожелал увидеть Шабаз-Гирея. Тот, встревоженный неожиданным вызовом, стремительно вошел к брату. Хан сидел рядом с их родственником Шарин-Каем, человеком ученым и отважным.

– Бисмилля!³⁵ – проговорил калга, проведя ладонями по лицу. И, несколько успокоенный, сел на ковер напротив брата. Находившиеся в шатре ответно приветствовали его.

– Я передаю тебе, Шабаз, не только командование армией. Поручаю начать переговоры с кабардинскими владетелями. Как говорит арабская поговорка, золото открывает сундуки. Ты знаком с Шарин-Каем, нашим сегодняшним гостем. Это татарин с преданной душой и честностью пророка! У меня не было сомнения, кого направить в Кабарду. Я не пожалел денег для

---

³⁵ Во имя Аллаха милостивого, милосердного! (араб.)

восстания против гяуров. Их сполна получил Шарин-Кай. Пусть Аллах хранит его в дороге и поможет в делах! А как только вернется гонец из Кабарды с добрыми вестями, отправь туда нашего посланника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.